

Б. Н. Флоря

1283

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО
И ЕГО ЗАПАДНЫЕ СОСЕДИ
(1655–1661 гг.)

054-386120

Борис Флоря

**Русское государство и его
западные соседи (1655–1661 гг.)**

«Индрик»

2010

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

Флоря Б. Н.

Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.) /
Б. Н. Флоря — «Индрик», 2010

ISBN 978-5-91674-082-0

Монография посвящена исследованию отношений России с её западными соседями в те годы, когда после Переяславской рады и присоединения Украины Русское государство прилагало большие усилия для решения главных стоявших перед ним внешнеполитических задач – объединения всех восточнославянских земель и завоевания выхода к Балтийскому морю. Работа основана на обширном документальном материале из разных фондов Российского государственного архива древних актов.

УДК 94(47)

ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-91674-082-0

© Флоря Б. Н., 2010

© Индрик, 2010

Содержание

Россия и «Потоп»	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Борис Николаевич Флоря

Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.)

© Флоря Б.Н., Текст, 2010

© Издательство «Индрик», оформление, 2010

* * *

В истории внешней политики допетровской России события второй половины 50-х гг. XVII в. занимали особое место. В эти годы не в последнюю очередь в результате действий русской стороны имел место кризис традиционной системы международных отношений в восточноевропейском регионе, кризис, который привел к вмешательству в происходившие там события государств и Центральной, и Северной Европы. Русское государство при решении стоявших перед ним задач сталкивалось с очень сложной международной ситуацией, которая несколько раз резко менялась на протяжении этого сравнительно небольшого периода времени. Сложность положения усугублялась тем, что русская правящая элита в те же годы оказалась перед необходимостью принимать решения по вопросам, связанным с судьбами целых государств и народов, таким, как будущая судьба Украины и даже всего Польско-Литовского государства. Все это не могло не способствовать активизации работы мысли русских политиков в эти годы. Все это делает документы за эти годы, отложившиеся в архиве Посольского приказа, особо ценным материалом для изучения характера и особенностей русской внешней политики допетровского времени.

К сказанному следует добавить, что отношения вовлеченных в разразившийся кризис государств сплелись в эти годы в столь тесный неразрывный узел, что рассмотрение отношений Русского государства с какой-либо из этих стран оказывается совершенно невозможным без одновременной характеристики его отношений с другими участниками большого международного конфликта. Это было убедительно показано в исследованиях Л.В. Заборовского и Е.И. Кобзаревой.

Количество документов, характеризующих дипломатическую деятельность правительства, отложившихся в Посольском приказе, а также частично в особой канцелярии царя – Приказе Тайных дел и в огромном архиве военного ведомства – Разрядном приказе, является достаточным для того, чтобы попытаться выяснить, как делалась в эти годы русская внешняя политика.

Анализ этих документов дает возможность выяснить объем и характер информации о международном положении, поступавшей в Москву, и какие под ее влиянием здесь складывались представления о развитии международной ситуации. Вместе с тем при изучении документов этого периода заметно расширяются возможности в исследовании такой важной темы, как борьба разных точек зрения на задачи, стоявшие перед внешней политикой России, борьба за выбор приоритетов при решении внешнеполитических проблем. Дело в том, что именно в эти годы в круг советников царя вошел воевода Кокнезе (Кокенгаузена) на Западной Двине А.Л. Ордин-Нащокин. Обладая самостоятельными взглядами на задачи русской внешней политики, он часто излагал их в своих многочисленных записках царю и не менее часто подвергал в них критике принятые в Москве решения. Изучение этих вопросов дает возможность реконструировать и систему отношений России с ее западными соседями, и русские концепции западной политики страны, и тесно связанные с этим представления русских политиков о своей стране и ее месте в мире.

Хотелось бы отметить, что в данном исследовании читателю предлагается исследование истории русской внешней политики 1655–1661 гг., а не системы международных отношений в восточной части Европы в годы так называемой «Второй Северной войны». Политика других государств – западных соседей России (а в отдельные моменты – и Крыма) затрагивается в данной работе лишь постольку, поскольку это нужно для объяснения тех или иных шагов русской дипломатии. Исключением служит Украина, находившаяся в те годы в особых отношениях с Россией. Русская политика оказывала сильное воздействие как на внутривосточную жизнь украинского гетманства, так и на его отношения с соседями. Русско-украинским отношениям этого времени посвящена достаточно обширная литература, среди которой следует выделить последние тома «Історії України – Руси» М.С. Грушевского. Однако мотивы и цели отдельных актов русской политики на Украине в этой литературе не всегда оцениваются правильно, как представляется, отчасти потому, что рассматриваются вне тесной связи с общим внешнеполитическим курсом русского правительства. Поэтому в данном исследовании именно выявлению такой взаимосвязи будет посвящено особое внимание. Вместе с тем автор постарается показать и другую сторону этой взаимосвязи – влияние событий, происходивших на Украине, на русский внешнеполитический курс. Хотя данная работа посвящена только истории внешней политики, думается, что она внесет свой вклад в понимание международной ситуации в восточной части Европы в целом, так как в научной литературе роль русского компонента в развитии событий явно недооценивается, не в последнюю очередь из-за отсутствия исследования, которое давало бы общую характеристику русской внешней политики второй половины 50-х гг. XVII в.

Россия и «Потоп»

В конце апреля 1654 г. в Москве происходили важные события: собравшиеся с разных концов страны бояре и дети боярские слушали торжественные службы в Успенском соборе, затем с торжественными речами к ним обратился сам царь Алексей Михайлович¹. Русское войско выступало в поход против Польско-Литовского государства. Война стала неизбежной после того, как Земский собор принял решение принять Запорожское Войско во главе с Богданом Хмельницким «под высокую царскую руку».

Обращаясь к войску, царь говорил, что поход является ответом на «неправды» польских королей и их гонения на православную веру. В воззвании, адресованном православным жителям Польско-Литовского государства, царь также подчеркивал, что его цель – защита от гонений «святой Восточной церкви Греческого закона» и освобождение православных от власти иноверных правителей. Он призывал их взяться за оружие «противу сопостат Божиих»². Поход должен быть стать своего рода «священной войной» и должен был привести к освобождению православных на территории Восточной Европы от религиозного угнетения. Неслучайно продвижение русских войск на запад сопровождалось прекращением деятельности униатской церкви и резким ограничением деятельности церкви католической.

Религиозная цель войны тесно связывалась с национально-политической. Военные действия не должны были ограничиваться защитой Запорожского Войска от польско-литовской армии и возвращением земель, утраченных Русским государством в годы Смуты. Уже вскоре после начала военных действий из военного лагеря под Смоленском в сентябре 1654 г. вышли грамоты, обращенные к православным епископам Львова и Перемышля, населению Волыни, Подолии и других земель, с призывом подчиниться власти царя³. Все это показывает, что, начиная войну, русская власть поставила своей целью добиться решения давно стоявшей перед ней задачи – объединения всех восточнославянских земель вокруг Москвы, восстановления Древнерусского государства в его прежних границах.

Выступлению войска в поход предшествовала широкая дипломатическая акция, не имевшая аналогов в русской дипломатической практике предшествующих десятилетий. Русские представители были направлены одновременно во многие европейские государства, в том числе такие, с которыми в течение длительного времени не было дипломатических контактов (как Австрия или Франция). Деятельность этих миссий была предметом специального исследования Л.В. Заборовского.

Первая группа посольств была отправлена во Францию, Нидерланды, Швецию и Данию в самом конце 1653 г. Одной из главных задач этих миссий было собрать информацию об отношениях между европейскими государствами и их отношении к Речи Посполитой, что было важно в условиях начинавшейся войны. В грамотах, отправленных с гонцами, давалось подробное изложение причин, побудивших русскую власть разорвать «вечный мир» с Речью Посполитой. По-видимому, своеобразной программой-максимум этих миссий было добиться одобрения такого решения, а следовательно, и установления русского протектората над Запорожским Войском.

Этим, однако, все и ограничивалось. Никаких предложений о союзе эти грамоты не содержали, они не содержали даже какой-либо официальной просьбы о поддержке. Все это

---

¹ См. об этом подробнее: Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 27 (Приказ тайных дел). Д. 86. Ч. 1. См. также: Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 264–266.

² Сапунов А.Л. Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 29–30.

³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России (далее – АЮЗР). Т. 14. СПб., 1889. Стб. 199–204.

позволяет согласиться с заключением Л.В. Заборовского, что русское правительство сознательно стремилось к локализации конфликта⁴.

Правители государств, в которые были направлены русские представители, с разными нюансами не одобрили решение о войне, но этим все и ограничилось. В Швеции и Нидерландах русским представителям удалось даже осуществить крупные закупки вооружения. Характерно, что ни одно из правительств не предприняло серьезных усилий для того, чтобы погасить конфликт. Лишь в Париже выступили с предложением посредничества, за которым, однако, не последовало каких-либо практических шагов⁵.

Объяснялось это неясным местом обоих вступивших в войну государств в той европейской системе международных отношений, как она сложилась в годы Тридцатилетней войны. Россия на заключительных этапах войны оказалась в стороне от главных европейских конфликтов и не участвовала в оформлении их результатов.

Речь Посполитая была государством традиционно дружественным австрийским Габсбургам, но в Тридцатилетней войне она так и не присоединилась к габсбургскому лагерю, а к середине 40-х гг. наметилось определенное, но не заходящее слишком далеко, ее сближение с главным противником Габсбургов – Францией. Таким образом, оба государства не имели четкой связи с главными силовыми центрами европейской системы международных отношений, война между ними не могла серьезно изменить сложившееся к концу Тридцатилетней войны соотношение сил в Европе. Отсюда вялая реакция европейских держав на происшедшее, что на данном этапе устраивало русское правительство. Следует, однако, учитывать, что в конце 1653 г. – первой половине 1654 г. было во многом неясно, к каким конкретным результатам может привести очередная русско-польская война в Восточной Европе.

В мае 1654 г., когда русские войска уже двигались к границам Речи Посполитой, новые русские гонцы были направлены в Австрию, Бранденбург и Курляндию. Выбор этих государств не был случайным. Австрия была государством, связанным с Речью Посполитой дружественными соглашениями, а курфюрст бранденбургский (как герцог прусский) и герцог курляндский были вассалами Речи Посполитой, обязанными оказывать ей помощь. Неудивительно поэтому, что в грамотах, направленных в эти государства, содержалось требование не оказывать помощи Польско-Литовскому государству. Одновременно гонцам следовало добиваться, чтобы в ответных грамотах царь был назван правителем «Малой России».

Наибольшее значение имела позиция одной из главных европейских держав – Австрии. Советники императора Фердинанда III настойчиво предлагали посредничество на мирных переговорах между Россией и Речью Посполитой. В грамоте, адресованной царю, выражалась готовность направить австрийских послов в Москву, как только будет получено согласие на посредничество. Вместе с тем в ней говорилось, что, если король Ян Казимир обратится с просьбой о помощи, император будет руководствоваться своим расположением к Русскому государству. Хотя эти слова звучали несколько двусмысленно, они все же означали, что Австрия не намерена вмешиваться в конфликт на польско-литовской стороне.

Герцог курляндский Якоб, главной целью которого было спасти свое небольшое княжество от военного разорения, также предлагал свое посредничество и обещал, что никакой помощи Речи Посполитой он оказывать не будет. Гораздо более сдержанным (если не враждебным) было отношение бранденбургского курфюрста Фридриха Вильгельма. Он поставил под сомнение обоснованность решения о войне, пытался запугать русский двор сообщениями о военных приготовлениях Речи Посполитой и помощи ей со стороны крымских татар. Курфюрста (как герцога прусского) вполне устраивал почти номинальный вассалитет по отноше-

---

⁴ Заборовский Л.В. Россия, Речь Посполитая и Швеция в середине XVII в. Из истории международных отношений в Восточной Европе. М., 1981. С. 31–32.

⁵ Там же. С. 33–34.

нию к Речи Посполитой и он вовсе не был заинтересован в переменах, которые привели бы к появлению у его прусских владений более могущественного, а следовательно, и более опасного соседа. Однако и курфюрст обратился к царю с предложением о посредничестве, что означало, что и он не намерен вмешиваться в войну⁶. Таким образом, в разгоравшейся войне Речь Посполитая не могла рассчитывать на помощь даже со стороны своих ленников.

К концу 1654 г., когда дипломатические миссии «второй волны» стали возвращаться в Москву, завершилась первая кампания русско-польской войны. Для выполнения своих далеко идущих планов русская власть мобилизовала большие военные силы. В войне лично принял участие сам царь Алексей Михайлович, выехавший вслед за войском из Москвы. Военные действия развернулись на двух направлениях – на Украине и на белорусских землях Великого княжества Литовского. На Украине, где действовали совместно украинская армия и русские войска во главе с В.Б. Шереметевым, крупные военные столкновения произошли в районе Умани, где украинско-русское войско столкнулось с польской армией, которую поддерживали пришедшие на помощь к Речи Посполитой крымские татары. В четырехдневной битве под Охматовом обе стороны понесли серьезные потери, не добившись победы⁷. Иное положение сложилось на белорусских землях, куда были направлены главные силы русской армии и 20-тыс. казачий корпус. Главным событием военной кампании стала капитуляция Смоленска 23 сентября 1654 г. В ходе военных действий, развернувшихся летом-осенью 1654 г., русские войска заняли не только Смоленскую землю, утраченную Русским государством в годы Смуты, но и обширные земли в Восточной Белоруссии, были заняты такие города, как Мстиславль, Гомель, Могилев, Полоцк, Витебск. Литовские войска отошли за Березину⁸. Как показывает переписка царя с военачальниками, в царской ставке были более обширные планы. Так, предполагалось, что одна из русских армий во главе с А.Н. Трубецким, заняв Борисов и Минск, будет двигаться к Люблину на соединение с войсками Хмельницкого. Однако и достигнутые результаты были очень значительными. Польско-Литовское государство, ослабленное многолетней борьбой с восставшим казачеством, явно проигрывало войну с новым сильным противником. Неудивительно, что в январе 1655 г. царь, возвращаясь из похода, выражал желание продолжать военные действия⁹.

Военные действия должны были начаться в мае 1655 г. На Украине совместно с войсками Хмельницкого должна была действовать армия во главе с В.В. Бутурлиным. На территории Белоруссии должны были действовать одновременно три армии. Южная – во главе с А.Н. Трубецким должна была взять Старый Быхов и далее двигаться по направлению Слуцк-Новогрудок-Брест. Главная армия во главе с Я.К. Черкасским, вместе с которой находился сам царь, должна была идти из Смоленска через Минск и Борисов к самой столице Великого княжества Литовского – Вильно. К Вильно с севера из Великих Лук должна была двинуться и северная армия во главе с В.П. Шереметевым. Соединившись под Вильно, эти войска должны были двигаться далее в направлении Ковно-Гродно-Брест. В конечном пункте этого маршрута, на самой границе с Польшей эти войска, вероятно, должны были встретиться с армией А.Н. Трубецкого. Кроме того, небольшой отряд во главе с А.Л. Ординым-Нащокиным должен был завершить подчинение русской власти «польской Ливонии»¹⁰. Новая военная кампания, таким образом, должна была привести к занятию русскими войсками едва ли не всего Великого княжества

⁶ О миссиях, отправленных в мае 1654 г., и их результатах см.: Заборовский Л.В. Россия... С. 35–39.

⁷ О военных действиях на Украине см.: Мальцев Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. С. 56–62; Грушевский М.С. Історія України – Руси. Т. IX/2. Київ, 1931. С. 870–882, 1013–1020, 1037–1049.

⁸ О военных действиях в Белоруссии см.: Мальцев А.Н. Россия... С. 37–56; Wisner H. Janusz Radziwill. 1612–1655. Warszawa, 2000. S. 168–174.

⁹ А.С. Матвееву он писал: «К Москве идем на малое время и легким делом и тотчас назад пойдем» (цит. по: Мальцев А.Н. Россия... С. 76).

¹⁰ Об этих планах см.: Мальцев Россия... С. 77–79.

Литовского и тем самым созданное по Люблинской унии 1569 г. Польско-Литовское государство прекратило бы свое существование.

Намеченные планы не во всем удалось реализовать. Армия В.П. Шереметева ни в мае, ни в июне так и не начала поход на Вильно, а армия А.Н. Трубецкого вплоть до конца июля безуспешно осаждала Старый Быхов, но главные силы в июне выступили в поход. 19 июня передовые русские части заняли Борисов и перешли через Березину, 3 июля был занят Минск и здесь стали сосредотачиваться войска для похода на Вильно¹¹. Таким образом, на главном стратегическом направлении военные действия развивались успешно. 12 июля в Борисове было объявлено, что царь идет «к Вильно и Оршаве»¹².

К этому времени ситуация резко осложнилась, так как на территории Речи Посполитой появились шведские войска. Благодаря усилиям целого ряда шведских и польских исследователей в настоящее время хорошо выяснено, как и под влиянием каких факторов у шведских правящих кругов сложилось решение начать войну с Речью Посполитой. В отечественной литературе вопрос был обстоятельно рассмотрен Л.В. Заборовским. В последнее время эти свидетельства снова изучил А. Котлярчук, сотрудник Стокгольмского университета.

Успехи, достигнутые русскими войсками в военной кампании 1654 г., вызвали беспокойство в Стокгольме. Дело было не только в том, что шведские политики не были заинтересованы в резком изменении существовавшего в Восточной Европе соотношения сил в пользу России. Для беспокойства были и более конкретные причины. С занятием русскими войсками белорусских земель на Западной Двине русская власть не только ставила под свой контроль территории, с которых в Ригу поступали самые разнообразные товары, но и приобретала выгодные стратегические позиции для наступления на прибалтийские провинции Шведского королевства. Это беспокойство нашло свое выражение уже летом-осенью 1654 г. в военных и дипломатических акциях. Так, в июле-августе 1654 г. шведский король Карл Густав отдал распоряжение о переброске в Ливонию новых военных контингентов и предписал генерал-губернатору прибалтийских провинций Г. Горну расположить их поблизости от границ России¹³. В августе было принято решение об отправке к Алексею Михайловичу асессора Удде Эдла. Миссия носила достаточно стандартный, шаблонный характер. Карл Густав сообщал царю о своем вступлении на шведский трон и о своем намерении отправить в Россию «великого» посла для подтверждения Столбовского мирного договора 1617 г., что было необходимой процедурой после восшествия на престол нового монарха¹⁴. Путешествие заняло много времени, и лишь 7 января 1655 г. царь, возвратившийся из похода, принял шведского посланца в Вязьме¹⁵. К этому времени, однако, шведское правительство оказалось вынужденным реагировать на сложившуюся ситуацию и принять меры для защиты своих интересов. 31 октября 1654 г. в Россию с новой грамотой был послан гонец Клаус Портман, догнавший Удде Эдла уже в Вязьме¹⁶.

В этой грамоте Карл Густав прежде всего заверял Алексея Михайловича, что он никоим образом не собирается вмешиваться в русско-польскую войну («и до тое войны нам дела нет и ни в чем в то дело не внимаемся»). Вместе с тем он обращал внимание корреспондента на добрые отношения, связывавшие издавна курляндских герцогов со шведскими королями, и выражал «добрую соседскую дружную надежду», что курляндский герцог будет и с царем «в

¹¹ Там же. С. 82, 85, 89–90.

¹² Там же. С. 91.

¹³ Заборовский Л.В. Россия... С. 79, 81; Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia. The Grand Duchy of Lithuania and Sweden in the European Crisis of the mid. 17th Century. Stockholm, 2006. P. 94.

¹⁴ См. перевод грамоты Карла Густава от 31 июля 1654 г.: РГАДА. Ф. 96 (Сношения России со Швецией). 1654 г. № 4. Л. 134–144.

¹⁵ Там же. Л. 121 и сл.

¹⁶ Там же. Л. 145.

советной дружбе»¹⁷. Это была недвусмысленная просьба не распространять военные действия на территорию Курляндии. С выходом русских войск к Западной Двине они оказались в опасной близости от территории герцогства. Так как герцог был вассалом польского короля и оказывал ему помощь, то возникла опасность распространения войны и на эти земли. Герцог обладал весьма скромными военными силами и возникала реальная опасность, что в ходе военных действий русские войска займут Курляндию и овладеют ее портами на побережье Балтийского моря. Своим вмешательством Карл Густав хотел предотвратить возможность такого развития событий.

Ответ царя на шведское предложение был благоприятным. Алексей Михайлович поздравил Карла Густава со вступлением на трон, заверил его, что он намерен соблюдать условия Столбовского мира («и впредь держати будем во всем по посольскому договору»), и обещал «принять честно» посла, который приедет в Москву для подтверждения этого соглашения¹⁸. В царском ответе на грамоту, привезенную Портманом, содержались резкие выпады по адресу курляндского герцога, который «подданой недруга Яна Казимера короля польского и к тому недругу нашему... посылал на помощь людей своих», но «ради дружбы и любви» к шведскому королю царь приказал «не воевать» Курляндию¹⁹.

В условиях продолжавшейся войны русское правительство не было заинтересовано в осложнении отношений со Швецией, тем более что со шведской стороны имели место заявления, что ее нейтралитет будет благоприятным по отношению к России. Так, на встрече с главой Посольского приказа думным дьяком Алмазом Ивановым 10 ноября 1654 г. шведский резидент в Москве де Родес сообщил ему, что в отличие от других государей Карл Густав не разрешил польским агентам производить вербовку солдат для армии Речи Посполитой, так как «полской король нынешнему новому королю неприятель»²⁰.

Имело значение еще одно обстоятельство. Осенью 1654 г. до царя и его советников дошли слухи, что Польско-Литовское государство ищет союза со Швецией ценой далеко идущих уступок. Китт, шотландский полковник на русской службе, ездивший для «вестей» в Ригу в ноябре 1654 г., сообщал, что еще до его приезда через город проехали польские послы, направлявшиеся в Швецию с такими предложениями²¹. В таких условиях тем более не следовало осложнять отношения со Швецией.

Вместе с тем в царской ставке правильно поняли смысл просьбы о признании нейтралитета Курляндии. Начиная с С.М. Соловьева, исследователи справедливо обратили внимание на слова, читающиеся в письме царя к своему доверенному лицу, стрелецкому голове А.С. Матвееву; «И Смоленск им не таков досажен, что Витепск да Полтеск, потому что отнят ход по Двине в Ригу»²². Обозначившийся с выходом русских войск на двинский торговый путь выход на подступы к Балтийскому морю в царской ставке четко осознавался, но какое-либо решение явно отодвигалось пока в достаточно неопределенное будущее.

Заверения Карла Густава, что он не намерен вмешиваться в русско-польскую войну, не отвечали действительности уже в то время, когда они были положены на бумагу. Уже осенью 1654 г. шведские правящие круги пришли к убеждению, что они не могут безучастно наблюдать за происходящими событиями, и стал обсуждаться вопрос о путях и формах возможного вмешательства.

¹⁷ Перевод грамоты Карла Густава см.: Там же. Л. 147–149.

¹⁸ Там же. Л. 159–160.

¹⁹ Там же. Л. 185–186.

²⁰ Там же. Л. 34.

²¹ АЮЗР. Т. 14. Стб. 648.

²² Витебская старина. Т. 4. Ч. 2. С. 42.

На заседании шведского риксрода (государственного совета) в декабре 1654 г. его члены пришли к окончательному решению, что события в Восточной Европе приняли такой оборот, что шведское государство должно в них вмешаться. Вопрос о форме такого вмешательства оставался открытым. Члены риксрода отдавали предпочтение заключению союза с Польско-Литовским государством, чтобы совместными усилиями воспрепятствовать дальнейшему усилению России. Однако ради заключения такого союза оказавшаяся в критическом положении Речь Посполитая должна была пойти на серьезные уступки: речь шла не только об отказе Яна Казимира, как представителя старшей ветви шведского королевского дома, от притязаний на шведский трон и об отказе Речи Посполитой от притязаний на Ливонию, но и о шведском протекторате над Курляндией, об уступках на территории Пруссии, где шведы получили бы в свои руки какую-то часть прусских портов²³. Тем самым был бы сделан еще один шаг по пути к превращению Балтийского моря в шведское озеро с тем, чтобы все морские торговые пути, ведущие с Востока на Запад Европы, оказались под контролем шведской власти и она могла эксплуатировать товарооборот между ними в своих интересах, пополняя собственную казну.

Вместе с тем учитывалась и другая возможность – прямое подчинение оказавшейся в критической ситуации Речи Посполитой шведской власти. Донесения шведских агентов, посылавшихся в Речь Посполитую во второй половине 1654 г., говорили о том, что в условиях все ухудшавшегося положения отдельные группы населения пытались искать «защиту» у иностранных правителей. Такие настроения наиболее явно проявились на территории Великого княжества Литовского, где отдельные магнаты уже к концу 1654 г. вступили в переговоры со шведами о «протекции» и «защите». В выступлениях некоторых членов риксрода проявилась явная готовность такую «протекцию» оказать²⁴. Как бы то ни было, было принято решение начать подготовку к войне и было намечено время выступления – весна 1655 г.

Окончательный выбор решения определили два обстоятельства – политика Яна Казимира и положение дел на восточном фронте. И в Польше, и в Литве многие влиятельные политики видели выход из сложившегося критического положения именно в заключении союза со Швецией, хотя бы и ценой серьезных уступок. Иного мнения держался Ян Казимир. Хотя под давлением сенаторов в январе 1655 г. он направил своего представителя в Стокгольм, но не дал ему полномочий для переговоров о союзе, зато посланец выступил с требованием «компенсации» Яну Казимиру за отказ от его прав на шведский трон²⁵. Позднее Карл Густав писал царю, что польский король писал к нему «не по достоинству» и «ищет он только нашему королевскому величеству всякие škody и убытки чинить»²⁶. Убеждение короля Карла Густава и его советников, что прийти к соглашению с Яном Казимиром не удастся, стало одним из важных стимулов для принятия решения о войне с Речью Посполитой.

Но имели значение и другие факты. На восточном фронте попытки литовских гетманов зимой-весной 1655 г. вернуть занятые русскими войсками земли не привели к успеху. В большей части занятых городов оставались русские гарнизоны, а литовская армия понесла серьезные потери при безуспешной осаде Могилева²⁷. Между тем в грамоте царя Алексея, которую в январе 1655 г. повез в Стокгольм Удде Эдла, указывалось, что царь приказал главным силам своей армии «зимовать» в районе Вязьмы с тем, чтобы весной войско во главе с самим царем направилось «в дальние королевские города»²⁸. Сведения о крупных закупках оружия у куп-

²³ О соответствующих высказываниях членов риксрода и расчетах, связанных с заключением такого союза, см.: Заборовский Л.В. Россия... С. 84–85, 88–90.

²⁴ Заборовский Л.В. Россия... С. 86, 89–90; Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 85–86.

²⁵ Kersten A. Hieronim Radziejowski. Studium władzy i opozycji. Warszawa, 1988. S. 367–368, 376–379.

²⁶ См. перевод грамоты Карла Густава царю от 29 марта 1655 г.: РГАДА. Ф. 96, 1655 г. № 4. Л. 45.

²⁷ О кампании начала 1655 г. см.: Bobiatynski K. Od Smolenska do Wilna. Wojna Rzeczypospolitej z Moskwą. 1654–1655. Zabrze, 2004. S. 133–182.

²⁸ РГАДА. Ф. 96, 1654 г. № 4. Л. 179–181.

цов – шведских подданных в первые месяцы 1655 г. ясно говорили о том, что эти высказывания царя не останутся только на бумаге²⁹. В Стокгольме не могли допустить полного поражения Речи Посполитой с возобновлением войны и своим вмешательством рассчитывали, не вступая в открытое столкновение с Россией, воспрепятствовать ее дальнейшим успехам, поставив под свой контроль стратегически важные с точки зрения шведских интересов территории.

Имело значение еще одно важное обстоятельство. В условиях ухудшавшегося положения у разных кругов магнатории и шляхты в отдельных частях Речи Посполитой усилились надежды на спасение в обстановке общего упадка благодаря обеспечению «протекций» и «защиты» со стороны кого-либо из иностранных правителей. Так, в первые месяцы 1655 г. магнаты и шляхта Великой Польши обращались с просьбами о защите к бранденбургскому курфюрсту³⁰, а бранденбургский резидент в Варшаве Ховербек сообщал Фридриху Вильгельму, что примас и ряд сенаторов готовы были бы видеть курфюрста на польском троне вместо Яна Казимира³¹. Какие-то контакты со шведами завязала в первые месяцы 1655 г. шляхта Инфлян-ского воеводства³². Весной 1655 г. стал искать более тесных контактов со шведами великий гетман Великого княжества Литовского и первый сенатор Литвы – воевода виленский Януш Радзивилл. Во время этих переговоров поднимался вопрос о возведении Карла Густава при содействии литовцев на польский трон³³. К лету 1655 г. к такому решению, по-видимому, стал склоняться и виленский епископ, вступивший в переговоры на эту тему с курляндским герцогом³⁴. И сами эти контакты, и распространявшиеся слухи о них создавали у шведских государственных деятелей (что нашло отражение в инструкциях военачальникам) впечатление, что, может быть, и не придется вести серьезную войну, а разные группировки магнатов и шляхты Речи Посполитой, отказав в поддержке Яну Казимиру, примут шведскую защиту и протекцию. Погружавшаяся в глубокий внутренний кризис, истощенная долголетней войной Речь Посполитая казалась легкой добычей.

К лету 1655 г. в своих основных чертах сложились и планы военной кампании. Удар должен был быть нанесен с двух сторон – с запада и с востока. На западе армия во главе с фельдмаршалом А. Виттенбергом из шведской Померании должна была вторгнуться на земли Великой Польши. В случае успешного занятия этих территорий Королевская (Западная) Пруссия была бы отрезана от Речи Посполитой и создавались бы благоприятные условия для занятия этой территории³⁵, представлявшей для шведских правящих кругов особый интерес, так как именно здесь находились города, лежавшие в ключевых точках торговых путей, связывавших Польско-Литовское государство со странами Западной Европы.

Другим регионом Восточной Европы, куда должны были направиться шведские войска, были земли Великого княжества Литовского. Внимание к этому региону резко усилилось после выхода русских войск к Западной Двине. На первых порах особое внимание шведских правящих кругов привлек к себе Динабург (Даугавпилс) – один из главных центров польской Ливонии, крепость, лежавшая на пути, ведущем в Ригу. Уже в декабре 1654 г. обсуждался вопрос об оказании помощи жителям Динабурга, очевидно, чтобы не допустить его занятия русскими войсками³⁶. Положение обострилось, когда весной 1655 г. русские войска подошли к Динабургу и попытались занять город. Характерно, что решение о занятии этого города было принято еще

²⁹ Так, у жителей Нарвы П. Микляев закупил 30 тыс. мушкетов, переговоры о закупке 8 тыс. мушкетов велись и с шведским резидентом в Москве де Родесом (Куриц Б.Г. Состояние России в 1650–1655 гг. по донесениям Родеса. М., 1915. С. 241).

³⁰ Заборовский Л.В. Россия... С. 150–151.

³¹ Kubala L. Wojna szwedcka w roku 1655 i 1656. Lwow, 1914. S. 52.

³² Заборовский Л.В. Россия... С. 152.

³³ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 92–93.

³⁴ Kubala L. Wojna szwedcka... S. 52.

³⁵ Заборовский Л.В. Россия... С. 120–121.

³⁶ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 94.

до начала общего наступления русской армии. 2 апреля 1655 г. стоявший со своим отрядом в Резекне (Резице) воевода А.Л. Ордин-Нащокин получил соответствующий приказ³⁷. Обладание крепостью усилило бы русские позиции и на двинском пути и на подступах к Курляндии. Так как было известно, что в Динабурге находится небольшой гарнизон, то рассчитывали, что крепость капитулирует без сопротивления. А.Л. Ордину-Нащокину было «литовским людям велено говорить, чтоб они государские милости себе поискали и город здали». Тогда же В.П. Шереметев, командующий северной армией, получил приказ обратиться с таким же предложением к жителям другого лежавшего в этом районе города – Икажно³⁸. 4 мая А.Л. Ордин-Нащокин подошел к Динабургу³⁹, но к этому времени гарнизон крепости был сильно увеличен⁴⁰ и отказался капитулировать. Началась осада, в царской ставке принимали меры, чтобы пополнить его отряд и снабдить его порохом и свинцом⁴¹. 14 мая «пройдя через курляндскую землю», к Динабургу подошли литовские войска во главе с полковником С. Комаровским. Они атаковали отряд А.Л. Ордина-Нащокина «в обозе» при поддержке городской артиллерии. После длительного боя 16 мая А.Л. Ордин-Нащокин отступил к Резекне⁴². Получив сообщение об этом, царь 29 мая приказал В.П. Шереметеву «для выручки Офонася Нащокина идти к Диноборку и над Диноборком и над литовскими людьми промышлять»⁴³. 2 июня приказ был повторен⁴⁴, но В.П. Шереметев его не выполнил.

Происходившие события, свидетельствовавшие о новых попытках русской стороны утвердить свои позиции на двинском пути, вызвали беспокойство шведских властей в Ливонии. Здесь приняли решение занять город еще до начала общего наступления на Польско-Литовское государство. В июне рижский корреспондент А.Л. Ордина-Нащокина Альберт Бюлов сообщил ему, что «полявой маршалек Густав Адольф Левенгаупт, тот с финскими людьми пошел под Диноборок»⁴⁵. Полковник С. Комаровский оставил город и Г. Левенгаупт разместил в нем шведский гарнизон. Шведы на этом этапе действовали осторожно. Местной шляхте, просившей о защите, было отказано⁴⁶. 14 июня Альберт Бюлов в письме к А.Л. Ордину-Нащокину, узнав о его ранении, выражал ему сочувствие, добавив, что «его милость пан Густав Горн (генерал-губернатор Ливонии. – *Б.Ф.*) зело вас жалел»⁴⁷. В июле 1655 г. направлявшийся к царю посланец Карла Густава Иоганн Розенлинд объяснял воеводе, что шведы хотели помешать полякам «всякой провоз от Риги от города... и всякую приятную ссылку меж наших обеих великих государей тем малым местом отнять»⁴⁸.

К этому времени, однако, у шведов сложился план кампании на литовском направлении, преследовавший гораздо более далеко идущие цели. Осуществить его должен был новый наместник Ливонии Магнус Делагарди – один из виднейших представителей шведской знати, близкий родственник Карла Густава⁴⁹. В инструкциях, врученных новому наместнику 2 июля

³⁷ Акты Московского государства (далее – АМГ). Т. 2. СПб., 1894. № 647. С. 403.

³⁸ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Московский стол. Стб. 262. Л. 34.

³⁹ Там же. Л. 82.

⁴⁰ Bobiatynski K. Od Smolenska... S. 193–195.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 262. Л. 33, 229.

⁴² См. отписки А.Л. Ордина-Нащокина (РГАДА. Ф. 210. Безгласный стол. Стб. 78. Л. 232–236) и В.П. Шереметева (РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 262. Л. 125); Bobiatynski K. Od Smolenska... S. 196–197.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 262. Л. 125.

⁴⁴ Там же. Л. 129.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей). 1655 г. № 7. Л. 52. В письме выражалось пожелание, чтобы на будущих мирных переговорах шведам были переданы Резекне и Лудза, «которые Ливонские земли присуды».

⁴⁶ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 95.

⁴⁷ РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 1. Л. 30.

⁴⁸ Там же. 1655 г. № 4. Л. 14.

⁴⁹ О нем см.: Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998. С. 51–52.

1655 г., ему предписывалось занять весь север Великого княжества с городами Биржи и Ковно, особое значение придавалось занятию Жемайтии, что приближало шведские владения в Ливонии к Восточной Пруссии. Под шведский контроль должны были быть поставлены дороги, которые вели из Жемайтии к Вильно – столице Великого княжества. Особое значение, как и ранее, придавалось укреплению шведских позиций на двинском пути. Из Динабурга следовало выслать войска, чтобы занять Браслав⁵⁰. Таким образом военные действия шведских войск по двум направлениям должны были привести к двум важным последствиям. Заняв всю северную часть Польско-Литовского государства, шведские правящие круги установили бы контроль над стратегически важными пунктами на южном побережье Балтийского моря и одновременно был бы поставлен барьер на пути возможного продвижения к этим территориям русских войск.

В инструкциях нашло отражение представление, что этих целей, возможно, удастся добиться без войны. В них указывалось, что литовцы, в особенности Радзивилл и другие дворяне, расположены к Швеции, и М. Делагарди получил полномочия заключить договор, который определил бы условия их существования под шведской властью. Вместе с тем, не полагаясь только на добрую волю литовских дворян, Карл Густав предписывал наместнику ввести шведские гарнизоны в стратегически важные пункты⁵¹.

В начале июля 1655 г. армия А. Виттенберга вступила на территорию Великой Польши. И фельдмаршал, и находившийся при нем бывший канцлер коронный И. Радзейовский обратились к собравшемуся для отпора шведам дворянскому ополчению Великой Польши с предложением вступить в переговоры.

Предложение, поддержанное ружейным и пушечным огнем, имело успех. По заключенному соглашению магнаты и шляхта Великой Польши признали Карла Густава своим «протектором», передавая в его распоряжение королевские владения и доходы с них. В главных городах Великой Польши должны были разместиться шведские гарнизоны⁵². Достигнутый успех открывал шведской армии путь в другие польские земли и способствовал появлению у шведского короля новых, более далеко идущих планов в отношении Речи Посполитой.

Новый шведский наместник Ливонии прибыл в Ригу в конце июля 1655 г. и лишь тогда смог приступить к выполнению королевских инструкций. К этому времени началось большое наступление русских войск на западные земли Великого княжества Литовского. К началу июля в Минске сосредоточились главные силы центральной русской армии и оттуда она двинулась к столице Великого княжества – Вильно. К 24 июля русские войска оказались в непосредственной близости от этого города⁵³. В этих условиях, когда войска литовских гетманов были явно не в состоянии противостоять русской армии и на помощь из Польши рассчитывать было нельзя, великий гетман литовский Януш Радзивилл и виленский епископ Ежи Тышкевич приняли решение искать помощи у шведов.

18 июня 1655 г. царь Алексей Михайлович отправил к курляндскому герцогу гонца Якова Поздышева с угрозой, что если герцог не перестанет помогать «литовским людям», то царь «болши того терпеть не будет»⁵⁴. В наказе гонцу предписывалось «проведать всякими мерами, сколько ныне в зборе свейских людей... и куды их походу чаять»⁵⁵. Возвращаясь из Митавы через Ригу, гонец оказался буквально в эпицентре важных событий. Как отметил подьячий в своем статейном списке, 26 июля к Магнусу Делагарди пришли посланцы, «один – от Радивила, другой – от бискупа (т. е. от Е. Тышкевича. – Б.Ф.), а третьей – от рады панов». Они просили

⁵⁰ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 95–96.

⁵¹ Ibid. P. 96.

⁵² Kersten A. Hieronim Radziejowski... S. 389–399.

⁵³ Мальцев А.Н. Россия... С. 90–92.

⁵⁴ См. текст царской грамоты: РГАДА. Ф. 63 (Сношения с Курляндией). 1655 г. № 3. Л. 40–44.

⁵⁵ Там же. Л. 40б.

скорее послать шведские войска в Биржи и в Вильно, «до тех мест, покаместа государевых ратных людей больших не собралось», а они и эти «и иные полские города здавать учнут же без крови». Через день из Вильно снова приехали «скорые гонцы о том же»⁵⁶. 29–30 июля через Западную Двину перевозили войска во главе с Левенгауптом и артиллерию. Тогда же стало известно, что и сам Магнус Делагарди «хочет идти вскорее» к Вильно⁵⁷. Для наместника открывалась возможность быстро и успешно выполнить указания короля.

1 августа М. Делагарди приказал Левенгаупту выступить в поход и занять те земли Великого княжества, где нет русских войск. Согласно плану М. Делагарди армия должна была заложить свой лагерь в крепости Радзивиллов, лежавшей на границе с Курляндией, отсюда шведские войска должны были двигаться к Биржам и Ковно. Ковно должно было стать главной базой шведской армии. Биржи сдались без сопротивления, и в них был размещен шведский гарнизон⁵⁸, но другую часть плана выполнить не удалось.

Желая выиграть время до подхода шведских войск, епископ виленский, гетман и большая группа офицеров литовского войска обратились к кн. Я.К. Черкасскому и другим воеводам, стоявшим во главе центральной русской армии, с просьбой о перемирии⁵⁹, но Алексей Михайлович это предложение отклонил⁶⁰. После недолгих боев литовские войска оставили столицу, большая их часть вместе с гетманами отступила в Жемайтию. 4 августа царь въехал в столицу Великого княжества⁶¹. 6 августа высланные из-под Вильно войска заняли Ковно. На протяжении августа – начала сентября входившие в состав русской армии казацкие войска Ивана Золотаренко вместе с «государевыми людьми» заняли многие города на территории Троцкого и Виленского воеводств и вышли к Неману. Казаками и армией А.Н. Трубецкого были заняты также многие города на территории Новогрудского воеводства с его центром – Новогрудком. В конце августа русская власть утвердилась и в Гродно⁶².

Одновременно шведские войска продолжали занимать северо-западные земли Великого княжества Литовского, размещая свои гарнизоны в стратегически важных пунктах. Так было занято епископство Пильтен на территории Курляндии и посланы войска, чтобы занять Палангу. Обладание этим городом на балтийском побережье открывало возможность для свободного прохода шведских войск из Ливонии в Восточную Пруссию. Особое внимание, как и ранее, было уделено укреплению позиций Швеции на двинском пути. Шведский отряд во главе с капитаном Уленброком занял Браслав, затем Икажно и Друю⁶³.

Еще до выступления шведских войск в поход М. Делагарди обратился к населению Великого княжества, обещая безопасность и защиту. Начались переговоры с той частью магнатов и шляхты Великого княжества во главе с Янушем и Богуславом Радзивиллами, которая выражала готовность подчиниться шведской власти. В лагере литовского войска под Кейданами были сформулированы условия, на которых магнаты и шляхта соглашались на шведскую «протекцию». Согласно составленной там декларации дворянство Великого княжества Литовского признавало Карла Густава великим князем литовским, его наместнику в Великом княжестве на время войны предоставлялась как резиденция Биржи, в распоряжение Карла Густава переда-

⁵⁶ Там же. Л. 66–68.

⁵⁷ Там же. Л. 66, 68.

⁵⁸ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 115–116.

⁵⁹ Публ. этих обращений см.: Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское и Россия во время польского Потопа (1655–1656 гг.). Документы, исследование. М., 1994. С. 8–10, 16–18.

⁶⁰ Там же. С. 13–15, 18–21.

⁶¹ Мальцев А.Н. Россия... С. 95–97.

⁶² Мальцев А.Н. Россия... С. 97–100.

⁶³ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 116–118. В архиве Посольского приказа сохранился связанный с этими событиями документ – обращение гетмана Я. Радзивилла к браславской шляхте от 27 августа 1655 г. (РГАДА. Ф. 79.1655 г. № 7. Л. 194–195), документ попал в руки русских властей в декабре 1655 г.

вались все королевские имения в Великом княжестве, доходы и права, которыми располагали его предшественники. Вместе с тем Великое княжество Литовское под властью Карла Густава должно было оставаться особым государством со своими традиционными институтами, правами и привилегиями.

Одновременно эти условия налагали на шведского короля важные внешнеполитические обязательства. Карл Густав должен был обеспечить возвращение всех земель, занятых русскими и казаками, их прежним владельцам. Условия предусматривали, что Карл Густав должен сообщить царю о переходе Великого княжества Литовского под его власть и потребовать от него прекратить военные действия и отвести свои войска за Днепр. Если царь будет продолжать военные действия, шведские войска должны выступить и защитить города, отдавшиеся под покровительство Швеции. В августе в Ригу прибыл Бенгт Шютте, который должен был стать наместником Карла Густава в Великом княжестве Литовском⁶⁴.

Какой информацией о происходивших переменах обладало русское правительство и как оно на нее реагировало?

После взятия Вильно и отступления литовской армии в Жемайтию царь и его советники, находившиеся с ним в столице Великого княжества, полагали, что война на этом направлении фактически закончена и магнатам и шляхте Великого княжества ничего не остается, как подчиниться власти царя. 14 августа было принято решение отправить к гетманам московского дворянина В.Н. Лихарева. В посланной с ним грамоте, адресованной епископу виленскому, гетманам, «всему рыцерству и... всему поспольству», царь предлагал «милости себе поискать и быти под нашею, царского величества, высокою рукою»⁶⁵. В.Н. Лихарев возвратился в начале сентября⁶⁶, но еще до его возвращения в царскую ставку стали поступать сведения, что вряд ли можно рассчитывать на успех его миссии. Так, 20 августа Я.К. Черкасский прислал царю показания пленных о намерениях гетмана Радзивилла присоединиться к шведам, а другого гетмана, Госевского, «держит он у себя неволею для того, чтоб, де, его взять с собою к свейскому королю». В той же отписке сообщалось, что «на реке на Вилее по сю сторону видели они свейских немец, стоят на стороже»⁶⁷. 4 августа М. Делагарди обратился с письмом к А.Л. Ордину-Нащокину с сообщением о начале войны с Речью Посполитой и первых успехах шведов⁶⁸. Тогда же к русским властям попали «немецкие листы» из Риги, в которых говорилось о капитуляции великопольского ополчения и о том, что «гетман польский Радивил хочет податца за свейского короля»⁶⁹. Наконец, 8 августа датировано письмо А. Бюлова, ливонского корреспондента А.Л. Ордина-Нащокина, в котором говорилось, что «из Риги воинские люди пошли в Литовскую землю к Вилну»⁷⁰.

Начало войны между Речью Посполитой и Швецией не стало для царя и его советников неожиданностью. Уже с начала 1655 г. в Москву систематически поступали сведения о ведущихся в Швеции обширных приготовлениях к войне, а затем и о планах захвата польских земель⁷¹. Так, в сообщениях, полученных в мае 1655 г., говорилось, что Карл Густав «хочет... идти против литовского короля под [Гд]анеск польской да и Прусскую землю хочет у литовского короля отнять»⁷². В голландских «вестовых тетрадах», присланных из Архангельска, сообщалось, что ждут похода шведов «на Прусскую землю или на Гданеск, а в зборе у них

⁶⁴ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 100–104, 118–119.

⁶⁵ Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 22–23.

⁶⁶ Там же. С. 33.

⁶⁷ См. дневник похода царя Алексея Михайловича: РГАДА. Ф. 27. № 86. Ч. 3. Л. 145–146.

⁶⁸ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 1. Л. 136–138.

⁶⁹ Там же. Л. 113–115.

⁷⁰ Там же. Л. 142.

⁷¹ См. об этом: Заборовский Л.В. Россия... С. 130.

⁷² РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 1. Л. 29–30.

такое великое войско земельным и воденным путем, что не слыхано». В портах задержаны все находящиеся в них корабли для перевозки этого войска⁷³. Наконец, Альберт Бюлов в уже упоминавшемся письме от 14 июня прямо сообщил А.Л. Ордину-Нащокину, что «никоторому поляку на нашей стороне не жити, потому что мы и сами с поляками войну ведем», шведские войска уже переправляются через море для похода «в Прусскую землю»⁷⁴.

2 июля сообщение А.Л. Ордина-Нащокина было получено в царской ставке и в тот же день Алексей Михайлович приказал воеводам идти «в Менеск тотчас, не мешкая»⁷⁵. Такова была первая реакция в царской ставке на начало польско-шведской войны. Эта война не противоречила русским внешнеполитическим планам и могла даже рассматриваться как фактор, благоприятствующий их осуществлению. Однако слухи о переговорах Радзивилла со шведами и появление на территории Великого княжества шведских войск не могли не обеспокоить царя и его советников. Было решено объясниться с Карлом Густавом.

20 августа стряпчий Климент Иевлев получил поручение отвезти к шведскому королю царскую грамоту⁷⁶. В своей грамоте царь сообщал, что по просьбе Карла Густава будет соблюдать нейтралитет Курляндии, выражал радость по поводу того, что король «Курляндские и Пруссские города и места поймал», обещал «принять честно» шведских великих послов. Вместе с тем царь ставил в известность короля, что он занял Вильно и стал «на Великом княжестве Литовском государем», а его войско идет «к Варшаве», «за реку Немон», «к Люблину и к Кракову». В этой связи царь настоятельно предлагал шведским войскам «из городов и из уездов Великого княжества Литовского вспять отступить»⁷⁷. Одновременно К. Иевлев повез с собой письмо от Я.К. Черкасского и других русских воевод к М. Делагарди. В грамоте также выражали радость по поводу того, что шведский король отнял у Яна Казимира «порубежные городы». В ней с ударением подчеркивалось, что Алексей Михайлович с Карлом Густавом «в дружбе и в любви будут и свыше прежнего и нелюбия меж ими, великими государи, николи не будет». Вместе с тем в грамоте было уделено заметное место вопросу о Януше Радзивилле. Если Януш Радзивилл и другие литовские магнаты и шляхтичи действительно принесли присягу шведскому королю, то Карлу Густаву «достоит их взять в свои королевского величества городы», а в Великом княжестве Литовском – владении царя «подданным королевского величества земля владеть... не годитца». Вообще наместнику Ливонии не следовало бы принимать к себе тех, которые «от его царского величества сабли бегут»⁷⁸.

Содержание этих двух документов показывает, какова была позиция русского правительства на начальном этапе шведско-польской войны. В грамотах довольно ясно поднимался вопрос о разграничении сфер влияния на территории Польско-Литовского государства. Русское правительство готово было согласиться с захватами Швеции на Балтийском побережье при условии, что она не будет вмешиваться в сферу русских интересов на территории Великого княжества Литовского. Сообщение о готовящемся походе русских армий на польские земли должно было показать, что русское правительство – серьезная политическая сила, с интересами которой при продолжении войны Карлу Густаву придется считаться.

Принятые меры явно запоздали. К тому времени, когда Карлу Густаву была отправлена царская грамота, шведские войска, как показано выше, уже заняли значительные территории на северо-западе Великого княжества Литовского и выводили без каких-либо веских причин эти войска шведский правитель не собирался. При оценке возможных перспектив этого

⁷³ Вести-куранты. 1651–1652 гг., 1654–1656 гг., 1658–1660 гг. М., 1996. С. 99.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 7. Л. 53.

⁷⁵ См. дневник похода Алексея Михайловича: РГАДА. Ф. 27. № 86. Ч. 3. Л. 81–82.

⁷⁶ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 6. Л. 1.

⁷⁷ Дополнения к Актам историческим (далее – ДАИ). Т. 6. СПб., 1857. С. 443–446.

⁷⁸ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 6. Л. 51–61.

демарша следует учитывать два обстоятельства. Поход русских армий в польские земли так и не состоялся и с течением времени сообщение царя должно было восприниматься как простая угроза. Карл Густав мог бы серьезнее отнестись к русским предложениям, если бы на польских землях он столкнулся с серьезным сопротивлением и возникла перспектива затягивания войны (на это, возможно, и ориентировались в своих расчетах царь и его советники). Однако события стали развиваться в другом направлении.

В польском обществе, измученном долголетней разорительной войной, приходившем в отчаяние от постоянных внутренних конфликтов, военных неудач и быстрого умножения числа врагов, наступил массовый психический срыв. Под влиянием агитации сторонников Карла Густава общество увидело в приходе шведского монарха с его сильным войском желанный выход из тяжелой, едва ли не безнадежной ситуации. Новый правитель на польском троне должен был прекратить раздоры и установить порядок, нанести поражение русским и казакам, вернув Речи Посполитой ее прежние границы. Начался массовый переход жителей Польско-Литовского государства под «протекцию» Карла Густава. Шляхта, собравшаяся на поветовые и воеводские сеймики, приносила присягу «протектору» и хлопотала о получении «охранных грамот» на свои владения. Эта быстрая, массовая капитуляция перед лицом шведских войск, захватывавших без сопротивления одну территорию за другой, получила в польской исторической традиции название «Потопа». Как воины «Потопа», шведские войска занимали земли. 8 сентября н. ст. шведские войска вступили в Варшаву. У шведских политиков возникали все более широкие планы, далеко не ограничивавшиеся «Прусской землей», которую готов был уступить царь.

В сентябре 1655 г. шведские войска продолжали размещаться на северо-западных землях Великого княжества, но царь и его советники явно не рассматривали этот факт как основание для разрыва со Швецией. Об этом ясно говорит эпизод, связанный с приездом в Вильно посла бранденбургского курфюрста. Фридрих Вильгельм, благодаря сообщениям своих агентов и бежавших на территорию Восточной Пруссии жителей Великого княжества, хорошо представлял себе, какое положение складывалось на соседних с Пруссией землях в результате успешного наступления русских войск. Русская армия приближалась к его границам, и курфюрст опасался, что его прусские владения, как земли польского ленника, будут охвачены войной. Поэтому 9 августа он отправил в Вильно своего посланца Лазаря Киттельмана. Киттельман должен был выступить с предложением о посредничестве между Алексеем Михайловичем и Яном Казимиром. Тем самым сразу давалось понять, что курфюрст не принимает участия в войне. Одновременно он должен был просить об «охранной грамоте» [Schutzbrief] для владений курфюрста.

Этим цели миссии Л. Киттельмана вовсе не ограничивались. Хотя Фридрих Вильгельм дал согласие на проход шведских войск через его владения в Великую Польшу, перспектива утверждения шведской власти на польских землях его не радовала. Будущность герцогства Прусского, окруженного со всех сторон шведскими владениями, не могла его не беспокоить. В сложившемся положении он был намерен взять под свое «покровительство» сословия Королевской Пруссии, оказавшейся после первых успехов, достигнутых шведами, в тылу шведской армии, отрезанной от польских земель. Это одновременно дало бы ему возможность перебросить в Восточную Пруссию войска, собранные на территории Бранденбурга. Так как такие шаги могли бы вызвать враждебную реакцию шведов, Фридрих Вильгельм прилагал большие усилия в поисках союзников. В июле 1655 г. он заключил договор о союзе с Голландией, заручившись поддержкой голландского флота в случае нападения на его «земли и порты»⁷⁹. Другого союзника курфюрст рассчитывал найти в лице царя, не заинтересованного, как он полагал, в уси-

⁷⁹ О политике курфюрста в начале «Потопа» см.: Szymczak B. Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgą i Prusami Księżecymi w latach 1648–1658 w opinii i działaniach szlachty koronnej. Warszawa, 2002. S. 139 i n.

лении шведского короля. Поэтому Киттельман должен был добиваться «охранной грамоты» не только для владений курфюрста, но и для тех земель, которые примут его «протекцию». Киттельман должен был также поставить царя в известность о планах шведского короля захватить Пруссию и установить в прусских портах высокие пошлины. В этом случае курфюрст будет вынужден оказать ему сопротивление и надеется, что царь ему поможет⁸⁰. От командующего войсками курфюрста в Пруссии графа Вальдека он также получал указания хлопотать о заключении союза между курфюрстом и царем⁸¹.

Путешествие по разоренной войной стране, где продолжались военные действия, было долгим и трудным. Лишь 30 сентября он смог приехать в Вильно, где состоялись его встречи с думным дьяком Ларионом Лопухиным, а затем и с боярином И.Д. Милославским. Предложение о посредничестве было отклонено. В царской грамоте курфюрсту указывалось, что, если Ян Казимир хочет мира, он должен сам отправить послов с такой просьбой к царю. Одна из целей миссии была достигнута. Л. Киттельман получил «охранную грамоту»: в ней царь предписывал Богдану Хмельницкому и своим воеводам не причинять вреда владениям курфюрста. Однако действие этого документа не распространялось на те польские земли, которые захотели бы перейти под «протекцию» курфюрста. Что касается предложений о союзе против Швеции, о них в отчете Киттельмана о своей миссии ничего не говорилось⁸². Очевидно, русские собеседники на высказывания посланца курфюрста не реагировали.

Размещение шведских войск на землях Великого княжества Литовского и одновременное продвижение русских войск на запад привело к столкновениям на пограничных территориях в районе Браслава, в районе Ковна. Сложности возникали и в связи с тем, что на территории, занятой русскими войсками, находились владения принесшего присягу шведскому королю Богуслава Радзивилла (такая крепость, как Слуцк), которые отказывались подчиняться русским воеводам и впускать русские войска. Стороны, однако, не стремились к обострению отношений.

М. Делагарди 4 августа обратился с письмом к «генералу его царского величества над великими сильными войски». Сообщая о переходе целого ряда земель Великого княжества Литовского (в их числе – Браславского повета) под шведскую власть, наместник предлагал прекратить военные действия и сохранять мир, а в дальнейшем о «граничном деле», т. е. об установлении точных границ между русскими и шведскими владениями на территории Великого княжества Литовского, могут договориться шведские «великие» послы, которые направляются в Москву⁸³. 25 августа грамота была доставлена к царю в Вильно⁸⁴, и шведское предложение встретило благоприятный отклик. 28 августа царь приказал воеводе С.А. Урусову – новому командующему русскими войсками на территории Великого княжества Литовского – «учинить заказ крепкой», чтобы «ратные люди» не вступали на земли занятого шведами Браславского повета⁸⁵. 31 августа с ответом на грамоту М. Делагарди от имени Я.К. Черкасского и других воевод был отправлен гонец Афанасий Нестеров⁸⁶. Хотя в грамоте выражался протест против попыток распространить шведскую власть на земли, занятые русскими войсками, и содержалось требование, чтобы Я. Радзивилл перестал называть себя великим гетманом Великого княжества Литовского и Виленским воеводой, воеводы заверяли от имени царя, что мир

⁸⁰ Текст инструкций Л. Киттельману см.: *Urkunden und Actenstücke zur Geschichte des Kurfürsten Friedrich Wilhelm von Brandenburg*. T. VI. S. 704–705.

⁸¹ Hirsch T. *Die ersten Anknüpfungen zwischen Brandenburg und Russland unter den grossen Kurfürsten*. Th. 1. Berlin, 1885. S. 11.

⁸² Hirsch T. *Die ersten Anknüpfungen...* Th. 1. S. 12–13.

⁸³ Перевод грамоты М. Делагарди см.: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 18. Л. 8–13.

⁸⁴ Там же. Л. 1.

⁸⁵ Там же. Л. 21.

⁸⁶ Там же. Л. 28.

будет соблюдаться, а решение спорных вопросов будет отложено до того времени, когда придут в Москву шведские послы и «пограничных городов в уездах и межах договор учинят»⁸⁷.

М. Делагарди любезно принял русского гонца, сообщил, что он послал «листы» в Браслав, Икажно и Динабург, чтобы оттуда на занятые русскими войсками земли «не въезжали и шкоды, и заказу никакова не чинили». Он также обещал, что, когда встретится с Я. Радзивиллом, «будет ему говорить, чтобы тот впредь воеводою виленским и великим гетманом Великого княжества Литовского писать себя не велел». Вызывало беспокойство лишь настойчивое утверждение наместника, что Слуцк и Несвиж находятся под шведской властью, так как присягу шведскому королю принес не только их владелец Богуслав Радзивилл, но и «тех городов шляхты человек со сто и болюи»⁸⁸. В ответной грамоте, посланной с А.И. Нестеровым, также содержалось требование, чтобы русские войска «тем городом никакие шкоды и разоренья не чинили». Одновременно, однако, в этом документе М. Делагарди подчеркивал, что будет сохранять мир на границе с русскими владениями и «все делать на содержание советные дружбы»⁸⁹. Шведские власти в Ливонии явно стремились сохранять мир с Россией.

Такое же стремление обнаруживала и русская сторона. Так, в грамоте от 12 сентября царь, предписывая, чтобы в Гродно шведов «не пускали», одновременно требовал: «задора бы с ними никакова не чинили»⁹⁰.

В октябре стремление обеих сторон сохранять мир оставалось прежним. 8 октября М. Делагарди обратился с письмом к С.А. Урусову. Он, правда, снова настаивал на принятии Слуцка и Несвижа под шведскую «протекцию», но вместе с тем подчеркивал свое стремление делать так, «чтоб с обеих сторон всякому свое место имети и владети без помешки» до окончания русско-шведских мирных переговоров. В знак расположения он распорядился освободить русских пленных, находящихся у Я. Радзивилла в Кейданах⁹¹. О том же говорят грамоты, исходившие в октябре 1655 г. от С.А. Уурсова. Так, в грамоте от 12 октября ошмянскому старосте Адаму Саковичу, выражавшему вместе с большой группой местной шляхты желание подчиниться власти царя, предписывалось «свейского короля... с людьми с шведы ссоры и задоров не учинить»⁹². В грамоте, отправленной шведскому наместнику 15 октября, настаивая на том, что Друя должна находиться под русской властью, С.А. Урусов одновременно заверял, что русским людям запрещено нападать на занятые шведами земли «под смертною казнью»⁹³.

11 ноября на пути к Москве в Смоленске царь принял посланца Карла Густава Иоганна Розелинда. Посланец привез официальное сообщение о начале войны Швеции с Речью Посполитой. Карл Густав выражал надежду, что принятые решения «в добро приняты и истолкованы будут». Он предлагал, чтобы царь приказал своим военачальникам с шведскими генералами «всякую дружбу и доброе умышление держать»⁹⁴. Карл Густав сообщал также о посылке в Москву своих «великих» послов⁹⁵.

В своем ответе царь подробно писал об успехах, достигнутых его войсками в Речи Посполитой, на сообщение о войне ответил, что ему об этом «ведомо». Идя навстречу пожеланиям короля, он приказал С.А. Урусову вести переговоры со шведскими генералами «о всяких надобных делах, которые пристоят нам, обоим великим государем, к дружбе». Царь обещал принять все меры к тому, чтобы «свейские послы» быстро и беспрепятственно доехали до

⁸⁷ Там же. Л. 29–43.

⁸⁸ См. запись бесед с Делагарди в статейном списке А.И. Нестерова: Там же. Л. 153–155.

⁸⁹ См. перевод грамоты М. Делагарди: Там же. Л. 83–88.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 34.

⁹¹ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 1. Л. 179–184.

⁹² Там же. № 9. Л. 6.

⁹³ Там же. Л. 9–11.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 96.1654 г. № 4. Л. 41–46.

⁹⁵ Там же. Л. 49–50.

Москвы, куда для встречи с ними направляется сам Алексей Михайлович⁹⁶. Характерно, что в грамоте был полностью обойден молчанием вопрос о вступлении шведских войск на территорию Великого княжества Литовского и возникших в связи с этим конфликтных ситуациях. Решение всех спорных вопросов явно откладывалось до начала русско-шведских переговоров в Москве.

Вместе с тем, характеризуя позицию русской стороны, следует отметить одно важное обстоятельство. Сообщая 22 сентября Я.К. Черкасскому о своем решении распустить участвовавшую в летней кампании армию, царь одновременно распорядился, чтобы к весне эти войска были снова готовы к ведению военных действий: «им стать в Смоленску всею службою мая в 9»⁹⁷. В царской ставке, таким образом, не исключали, что весной 1656 г. армия снова может понадобиться.

Достигнутая сторонами договоренность о временном сосуществовании не исключала их попыток укрепить свои позиции на территории Великого княжества Литовского. В сентябре-октябре 1655 г. усилия М. Делагарди и Б. Шютте, наместника Карла Густава в Великом княжестве Литовском, были направлены на то, чтобы добиться заключения соглашения, которое окончательно оформило бы отношения между Карлом Густавом и магнатами и шляхтой, искавшими его «протекции», и узаконило бы пребывание его наместника и его войск на северо-западной территории Великого княжества Литовского. Делагарди и его войска нужны были Карлу Густаву на границе с Восточной Пруссией и соглашение должно было быть заключено до их ухода⁹⁸. Соответствующие документы были оформлены в Кейданах 15–23 октября 1655 г.⁹⁹. Карл Густав и его преемники провозглашались наследственными правителями Великого княжества Литовского, которое оставалось особым государством, со своими законами, органами управления и парламентом. Вместе с тем литовская армия подчинялась Карлу Густаву и должна была участвовать в его войне с соседями Великого княжества (в их числе и с Польшей) и во главе органов управления должен был стоять наместник, назначенный королем¹⁰⁰. После подписания соглашений значительная часть шведской армии во главе с М. Делагарди двинулась на границу с Восточной Пруссией¹⁰¹.

С русской стороны осенью 1655 г. были предприняты шаги к тому, чтобы распространить русскую власть на те земли Великого княжества Литовского, которые не приняли шведскую «протекцию». Поездка В.Н. Лихарева к литовским гетманам не привела к успеху. Принимавший его Я. Радзивилл заявил, что от имени литовских магнатов и шляхты он обратился к шведскому королю, «чтоб принял нас в подданство», и Карл Густав ответил согласием¹⁰². Однако выяснилось, что не все в военном лагере под Кейданами разделяли его взгляды. Многие шляхтичи говорили В.Н. Лихареву, что готовы подчиниться власти царя, если царь вернет им владения¹⁰³. Но особую важность для русской стороны представляли заявления второго главного лица в военном лагере – польного гетмана В. Госевского. Гетман заявил Лихареву, что он и многие другие «не хотят к шведу». Через Лихарева он предлагал царю и его советникам заключить мир с Яном Казимиром, «а послы будут тотчас готовы». Он заверял, что польский король согласится и уступит земли, «што государь позволит», и даст возмещение за военные расходы. Гетман настойчиво предостерегал против шведов. По его словам, шведы будут сохра-

⁹⁶ ДАИ. Т. 6. С. 447.

⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 73.

⁹⁸ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 123.

⁹⁹ Ibid. S. 125.

¹⁰⁰ Ibid. S. 125–126.

¹⁰¹ Ibid. S. 135.

¹⁰² Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 26.

¹⁰³ Там же. С. 31.

нять мир, пока не одержат победы в Польше, «а, згубя короля, подлинно на государеву землю швед наступит»¹⁰⁴.

В начале сентября вместе с Лихаревым в царской ставке побывали посланцы обоих гетманов. Официальной целью их миссии было добиться соглашения о прекращении военных действий, и эта цель была достигнута. В грамоте Я. Радзивиллу от 5 сентября ему предлагали, зная Карла Густава и царя «по вечному dokonчanyю дружбу и любовь», «не вступатися» на земли, занятые русскими войсками¹⁰⁵. Это означало, что и русская сторона берет на себя соответствующее обязательство. Посылкой этой грамоты сношения с Я. Радзивиллом и ограничились. Совсем иным оказалось отношение к Госевскому. В тот же день было принято решение отправить к Госевскому вместе с гонцом Стефаном Медекшей Ф.М. Ртищева¹⁰⁶. Отправка к гетману царского «постельничего», одного из наиболее близких к Алексею Михайловичу людей, показывает, какое значение придавали в царской ставке этой миссии. Речь шла о переходе гетмана Госевского и его войска на русскую сторону¹⁰⁷. В царской ставке считали это делом очень реальным. В грамоте, посланной 14 сентября С.А. Урусову, предполагалось, что в случае его похода на запад он будет действовать совместно с Госевским и его войском¹⁰⁸.

Однако встретиться с Госевским Ф.М. Ртищеву не удалось. Вскоре после отъезда В.Н. Лихарева гетман был арестован Я. Радзивиллом, а подчинявшиеся ему офицеры со своими отрядами покинули лагерь под Кейданами¹⁰⁹. Когда 19 сентября Ф.М. Ртищев доехал до Каменца, стало известно, что арестованный Госевский не может его принять, и встречавшие постельничего полковники Кмитич, Жеромский и Липницкий проводили его в Брест¹¹⁰. К этому времени Брест стал важным центром политической жизни Великого княжества Литовского. Здесь собирались сенаторы и шляхта, бежавшие от наступающих русских войск. Сюда стягивались отряды литовских войск, не желавших подчиняться шведам. Во главе собравшегося здесь войска стал витебский воевода Павел Сапега, которому после «измены» Я. Радзивилла была пожалована должность великого гетмана¹¹¹. В сложившемся положении Ртищев не поднимал вопроса о подчинении П. Сапеги и объединившихся вокруг него сенаторов и шляхты власти царя, а попытался выяснить, что стояло за предложениями В. Госевского о мире, какие условия мира могла бы предложить царю польско-литовская сторона, но никакого определенного ответа не смог добиться. П. Сапега и другие сенаторы просили только о прекращении военных действий, обещая, что с их стороны враждебных действий предприниматься не будет¹¹². Вместе с Ф.М. Ртищевым сенаторы отправили к царю своего посланца, гродненского подстолия Самуила Глядовицкого¹¹³. Глядовицкий добрался до Москвы лишь к концу ноября 1655 г.¹¹⁴, и еще задолго до его возвращения начался поход русских войск на запад, который должен был привести к подчинению русской власти тех земель Великого княжества Литовского, которые еще не подчинились шведам.

¹⁰⁴ См. записи разговоров В. Госевского с Лихаревым 21 и 26 августа: Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 26–27, 30–31. См. также: Заборовский Л.В. Русско-литовские переговоры во второй половине 1655 г. // Славяне в эпоху феодализма. К столетию академика В.И. Пичеты. М., 1978. С. 209–210.

¹⁰⁵ Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 37–38.

¹⁰⁶ Там же. С. 39.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 52.

¹⁰⁹ Wisner H. Janusz Radziwiłł... S. 207.

¹¹⁰ Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 48–49.

¹¹¹ Rachuba A. Paweł Sapieha wobec Szwecji i Jana Kazimierza (IX 1655 – II 1656) // Acta baltico-slavica. XI. 1977. S. 83.

¹¹² См. «статьи», поданные Ф.М. Ртищевым, и ответы сенаторов: Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 50–54.

¹¹³ Там же. С. 53–54. Подробнее о переговорах в Бресте см.: Заборовский Л.В. Русско-литовские переговоры... С. 210–213.

¹¹⁴ Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 62.

Решение о таком походе было принято, когда еще было неизвестно о результатах миссии Ртищева. Уже 14 сентября царь направил С.А. Урусову приказ, «чтоб он шел... за реку Немон под Бресть и под иные литовские города»¹¹⁵. Однако до конца сентября сохранялось представление, что подчинения этих территорий удастся добиться мирным путем. Так, 24 сентября, еще не зная ничего о судьбе Ртищева, царь приказал С.А. Урусову послать «в Гонсевского войска за Немон» своих посланцев с предложением подчиниться царю, который не будет нарушать их «прав и вольностей». Налицо были также надежды на то, что, может быть, и Жемайтию удастся получить мирным путем. С.А. Урусов должен был отправить своих посланцев в Жемайтию, так как царю стало известно, что «Жмуцкого повету шляхта стоят в собрание в Кейданах, а Карлу Густаву... не присягали»¹¹⁶. По-видимому, когда Ртищев вернулся без определенных результатов, в начале октября С.А. Урусов получил «статьи», в которых определялись задачи его похода. Как предполагалось и ранее, он должен был идти «прямо за Немон под Бресть и под иные города». При благоприятных обстоятельствах С.А. Урусов, дойдя «до границы литовские», должен был «воевать... корунные города и места». В наказе предписывалось «с свейскими немцами отнюдь не задирацца» «и где учнут свейскими называтца, и тех мест отнюдь не воевать»¹¹⁷. Военные действия, таким образом, не должны были затрагивать территорий, занятых шведами, и привести к осложнению русско-шведских отношений. По наблюдениям О.А. Курбатова, в походе приняла участие лишь часть войск, собравшихся в районе Ковна¹¹⁸. По-видимому, в царской ставке считали, что в походе он не должен столкнуться с серьезным сопротивлением.

Поход С.А. Урусова подробно описан в его донесениях царю¹¹⁹. Ряд важных деталей можно узнать из коллективной жалобы детей боярских – участников похода на воеводу¹²⁰. Войско выступило в поход из Ковна 23 октября. Военные действия начались 30 октября, когда русские войска столкнулись со стоявшим в районе Гродна полком ли декого подкомория Якуба Кунцевича, тогда русские взяли «три знамени и с хорунжим да литавры». После этого состоялась встреча русских воевод с офицерами полка, на которой Я. Кунцевич дал обязательство «со всем своим полком» принести присягу царю и дал в заложники воеводам новгородского воеводича Яна Хребтовича и нескольких других шляхтичей. К середине ноября войска подошли к Бресту. Появление в районе города русских войск стало для П. Сапеги и его сторонников определенной неожиданностью, так как здесь ждали ответа на предложения, посланные в Москву с С. Глядовицким. К этому времени в Бресте появился посланник Карла Густава Ян Фредерик Сапега. Он попытался помешать продвижению русских войск, заявив, что «Павел, де, Сапега, хочет быть под Свейскою коруною». Как рассказывал в своем донесении Урусов, он заявил посланцу, что П. Сапега присягнул царю перед Ф.М. Ртищевым, и тогда посланец заявил, что он не будет вмешиваться в происходящее и вообще его прислал в Брест «свейской генерал наимовать людей». Очевидно, посланец не имел от Карла Густава инструкций вступать в конфликт с русскими военачальниками из-за сенаторов и шляхты, которые не принесли присяги шведскому королю.

Хотя П. Сапега и другие сенаторы не проявили желания принести присягу царю, воевода решил идти к Бресту, уверенный, что его войскам сопротивления не окажут. Как следует из жалобы, он двинулся к Бресту с частью своего отряда, оставив в тылу пехоту и пушки. В Брест

¹¹⁵ РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 52.

¹¹⁶ Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 79–80.

¹¹⁷ См. наказ С.А. Урусову: Курбатов О.А. «Чудо архангела Михаила». Документ о походе Новгородского полка на Брест и битве при Верховинах 1655 г. // Исторический архив. № 3. 2005. С. 199–201.

¹¹⁸ Курбатов О.А. «Чудо...». С. 197.

¹¹⁹ Опубликовано: Курбатов О.А. «Чудо...». С. 201–205.

¹²⁰ Опубликовано: Записки отделения русской и славянской археологии императорского Русского археологического общества. Т. 2. СПб., 1861. С. 659–681.

воевода отправил одного из заложников – Святского – с приказом выделить в Бресте дворы для него и его солдат. Детям боярским он сказал, что «у Брести с литовскими людьми бою не будет, а он идет надежно в город». В результате в бою под Брестом 13 ноября армия С.А. Урусова потерпела поражение и стала отступать. В 25 верстах от Бреста у Верховичей русские войска были окружены преследовавшей их армией Сапеги, но в завязавшемся бою литовское войско в свою очередь потерпело поражение, потеряв пушки и знамена. После этого армия С.А. Урусова отошла на север, а собравшиеся в Бресте магнаты, шляхта и войско стали искать «протекции» Карла Густава¹²¹.

Одна из главных целей похода – занятие Бреста и подчинение царской власти еще оставшихся самостоятельными группировок магнатории и шляхты Великого княжества – тем самым не была достигнута. Однако благодаря походу С.А. Урусова русская власть на западных окраинах занятых русскими войсками территорий укреплялась, и неудача под Брестом на такое положение дел не повлияла. Еще до боя под Брестом, 12 ноября, в соответствии с достигнутой договоренностью с Я. Кунцевичем в Вильно прибыли послы Лидского, Гродненского и Волковыского поветов и принесли присягу царю¹²². А 26 ноября, когда армия С.А. Урусова двигалась в обратный путь на север, воеводу встретил сам Я. Кунцевич с ротмистрами, и они также принесли присягу¹²³. С.А. Урусов, которого обвиняли в том, что он шел от Бреста к Полоцку «шесть недель большим мотчаньем (т. е. очень медленно. – Б.Ф.)», оправдывался, что «дорогою шел не скоро для того, что в дороге на государево имя приезжали шляхта»¹²⁴. За время похода шляхтичи Гродненского, Слонимского, Новогрудского, Лидского, Волковыского, Ошмянского и Троцкого поветов, а также оказавшиеся на этих землях беглецы из более восточных областей – всего свыше 2 тыс. человек – также принесли присягу¹²⁵. Шляхта стала приезжать для присяги и в главный центр Великого княжества – Вильно: среди присягнувших были кн. С. Огинский, тиун Троцкий с сыном и Ян Нарбут, писарь земский лидский¹²⁶. Стали переходить на русскую службу «полковники» литовского войска со своими отрядами¹²⁷. Большие группы шляхты стали предлагать условия, на которых они готовы были подчиниться власти царя. В октябре 1655 г., еще до похода С.А. Урусова, с такой инициативой выступила большая группа шляхты во главе со старостой ошмянским А. Саковичем, ее посланец П. Роля был принят царем 25 декабря 1655 г. и подал выработанные шляхтой «статьи». 26 ноября при встрече С.А. Урусова с Я. Кунцевичем были также предложены «статьи», отосланные на рассмотрение к царю¹²⁸. Шляхта добивалась сохранения своих владений, своего права, своих органов управления и суда, но поднимались и другие вопросы. Так, в статьях, привезенных П. Ролей, говорилось о созыве сейма, о необходимости вернуть в состав Великого княжества

¹²¹ Rachuba A. Pawel Sapieha... S. 87–90.

¹²² АМГ. Т. 2. № 750. С. 458; № 753. С. 459.

¹²³ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 507–508. См. также Заборовский Л.В. Великое княжество Литовское... С. 103–106.

¹²⁴ ЗОРСА. Т. 2. С. 668, 673.

¹²⁵ Издание составленной по приказу С.А. Урусова крестоприводной книги см.: Памятники истории Восточной Европы. Т. 4: Крестоприводная книга шляхты Великого княжества Литовского 1655 г. М.; Варшава, 1999. Как видно из сохранившейся первоначальной записи крестоприводных книг (РГАДА. Ф. 145. Приказ великого княжества Смоленского. Кн. 3. Л. 173–236), шляхтичи начали приносить присягу большими группами с середины декабря 1655 г. (Там же. Л. 206 и сл.) и до конца января 1656 г.

¹²⁶ См. отписки виленского воеводы кн. М. Шаховского: РГАДА. Ф. 210. Московский стол. Стб. 270. Л. 245, 283.

¹²⁷ См. подробнее об этом: Флоря Б.Н. От Потопа до Вильна. Русская политика по отношению к Речи Посполитой в 1655–1656 гг. // Kwartalnik Historyczny. 2003. № 2. S. 37. См. также сообщение кн. М. Шаховского, что присягу царю принесли помимо указанных в статье лиц полковники Рудомино, Дяткович, Кисаревский, «во всех тех полках боевого люду тысяч с шесть» (АМГ. Т. 2. № 790. С. 480).

¹²⁸ Публикацию материалов посольства П. Роли и «статей», поданных С.А. Урусову, см.: Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 80–97, 103–106.

земли, утраченные по Люблинской унии 1569 г.¹²⁹. Стали приносить присягу царю и некоторые сенаторы. Так, новогрудский воевода Петр Казимир Вяжевич 10 октября вместе с П. Сапегой отправили из Бреста к царю С. Глядовицкого¹³⁰, но еще до возвращения С.А. Урусова в Полоцк он вернулся в Новогрудок и принес присягу царю¹³¹. Принес присягу царю и один из первых сенаторов Великого княжества Литовского Миколай Стефан Пац, воевода Троцкий. 3 декабря 1655 г. кн. С.А. Урусов выдал ему ряд жалованных грамот, предоставлявших ему право «до государева указу» владеть не только собственными имениями, но и частью имений хорунжего К. Паца и В. Госевского¹³². Магнаты и шляхта Великого княжества явно переставали воспринимать русскую власть как временную.

Летом-осенью 1655 г. удалось добиться значительных результатов и на других направлениях. Так, в сентябре 1655 г. посланный из Киева на судах отряд Д.А. Волконского занял Туров, который сдали местные мещане, затем – Давид-городок и после большого боя – Пинск¹³³. Еще раньше, 1 июля, выступили в поход на запад русские войска во главе с В.В. Бутурлиным и войско Б. Хмельницкого. Сведения о походе, содержащиеся в разных источниках, неоднократно анализировались исследователями¹³⁴. Для рассматриваемой темы важно, какими сведениями о том, что происходило на Украине, располагали в Москве. В отписках В.В. Бутурлина, доставленных в Москву 26 декабря, а затем в первых числах января 1656 г.¹³⁵, говорилось о занятии многих городов на территории Подолии, о поражении, нанесенном в районе Львова коронной армии во главе с С. Потоцким, когда поляками были потеряны знамена и обоз. Войска Б. Хмельницкого и В.В. Бутурлина осадили Львов и из-под стен города рассылали отряды «до Днестра реки», а также «до Ярославля и до Люблина и до Вислы реки». При вступлении в Люблин отряда во главе с воеводой П. Потемкиным и Д. Выговским местная шляхта и мещане принесли присягу царю¹³⁶. В городе Ухани такую же присягу принес «Хриштоп Тишкевич воевода черниговский со всею шляхтою и с мещаны»¹³⁷. Тогда в Москве узнали о занятии Волыни войсками Хмельницкого и о том, что в Луцке находится казацкая «застава»¹³⁸. Лишь приход на Украину явившейся на помощь Яну Казимиру орды заставил прервать столь удачно протекавший поход.

Все это были несомненные успехи, которых ранее Русское государство никогда не добивалось в своих войнах с Речью Посполитой. Под властью русских правителей в той или иной форме оказались к концу 1655 г. почти все белорусские и большая часть украинских земель. Как никогда раньше, русские политики были близки к решению задачи, которую они поставили перед собой в последние десятилетия XV в., – объединение всех восточнославянских земель в едином Русском государстве. Однако развитие событий в Польше поставило их перед новыми серьезными проблемами.

После капитуляции великопольского ополчения шведская армия, не сталкиваясь с серьезным сопротивлением, двигалась на юг, занимая одну территорию за другой. 8 сентября н. ст. шведские войска вступили в Варшаву. В конце того же месяца король Ян Казимир, а вслед за

¹²⁹ Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 85–86.

¹³⁰ Там же. С. 68.

¹³¹ Там же. С. 110.

¹³² РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 5. Л. 38–43.

¹³³ Мальцев А.Н. Россия... С. 104–105. См. также: РГАДА. Ф. 79.1655 г. № 1. Л. 1–14.

¹³⁴ Мальцев А.Н. Россия... С. 100–104; Kubala L. *Wojna moskiewska. 1654–1655*. Warszawa, 1910. S. 292–331; Грушевський М.С. *Історія України – Руси*. Т. 9. Кн. 2: Роки 1654–1657. Київ, 1931. С. 1102–1105, 1113–1128, 1137–1142.

¹³⁵ См. помету на одной из «отписок»: «164-го генваря 5 снесено с Верху» (РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 328).

¹³⁶ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 317–320.

¹³⁷ Там же. Л. 320.

¹³⁸ Там же. Л. 364–365.

ним многие сенаторы и шляхтичи, бежал с территории Речи Посполитой в Силезию – владения австрийских Габсбургов. 17 октября н. ст. капитулировала древняя польская столица Краков – единственная крепость, оказавшая серьезное сопротивление шведской армии. Вскоре после сдачи Кракова принесло присягу Карлу Густаву коронное войско во главе с гетманами, что означало конец организованного сопротивления. 25 октября н. ст. о своем подчинении власти шведского монарха заявили представители Сандомирского, Люблинского, Русского, Белзского воеводств, то есть тех земель, где еще не было шведских войск. В таких условиях у шведских политических кругов закономерно стали появляться более широкие, выходящие за рамки первоначальных планов, замыслы подчинения всей Речи Посполитой власти шведского монарха.

28 октября были разосланы универсалы о созыве в Варшаву съезда шляхты всех воеводств, чтобы принять общее решение о разрыве отношений с Яном Казимиром и принятии шведской «протекции». Съезд созвать не удалось, но на конец ноября был назначен уже созыв сейма, на котором должно было быть принято решение о возведении Карла Густава на польский трон, за чем должна была последовать его коронация¹³⁹. В конце 1655 г. царю и боярам прочли переводы голландских «курантов», в которых сообщалось о намерениях Карла Густава «сенатории на сейм созвать», где его «на королевство посвящать станут»¹⁴⁰.

Речь Посполитая сходила с политической карты, переставала существовать как самостоятельное государство. Когда в конце ноября в Москву прибыл С. Глядовицкий, чтобы предложить начать переговоры о мире между Россией и Речью Посполитой, это предложение уже не представляло для царя и его советников никакого интереса. Ведь, как стало известно в Москве, Ян Казимир, «покинув все, с малыми некакими людьми убежал в Венгерские горы, но и там ему места нет». «А что говоришь ты, – обращались бояре к С. Глядовицкому, – что королю присылать о миру к государю, и где уж то и сыскать короля вашего»¹⁴¹. Приславшим С. Глядовицкого сенаторам и шляхте было предложено подчиниться власти царя, а Алексей Михайлович «веры, прав и вольностей ваших нарушити ни в чем не велит»¹⁴².

На западных границах России образовалась новая огромная держава, правитель которой явно носился с широкими завоевательными планами и располагал одной из лучших европейских армий. Уже это должно было вызывать беспокойство русских политиков. К концу 1655 г. для такого беспокойства появились и реальные основания. В Москву в это время попал текст Кейданского договора от 20 октября 1655 г. Текст этот сумел раздобыть воевода Друи А.Л. Ордин-Нащокин. Узнав о заключении соглашения шведских властей с литовскими магнатами и шляхтой, он приложил старания к тому, чтобы познакомиться с его текстом. Еще в конце октября он вынужден был довольствоваться слухами¹⁴³. Но через месяц он сумел достать и переслать находившемуся в походе царю текст Кейданского договора. К 16 декабря документ поступил в Посольский приказ¹⁴⁴. В своем комментарии к соглашению А.Л. Ордин-Нащокин обратил внимание на то, что в преамбуле к договору переход под шведскую «протекцию» мотивировался тем, что литовцы были доведены до крайности «*przez wiarołomnego nieprzyjaciela Moskala*» (вероломным неприятелем Москалем). Таким образом, шведские власти согласились назвать «неприятелем» государя, находившегося в мирных и дружественных отношениях со Швецией. Как справедливо отметил Л.В. Заборовский¹⁴⁵, в польском переводе, переданном А.Л. Ордину-Нащокину, текст латинского оригинала, где читаются слова «*per potentiam*

¹³⁹ О событиях, происходивших в Польше в конце лета – осенью 1655 г., см.: Kubala L. Wojna szwedzka... S. 94–151; Kersten A. Hieronim Radziejowski... S. 416–445.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 1. Л. 7–8.

¹⁴¹ Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 66.

¹⁴² Там же. С. 70.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 79.1655 г. № 1. Л. 32.

¹⁴⁴ Там же. № 13. Л. 1 об.-2. Польский перевод соглашения см: Там же. Л. 5 и сл.

¹⁴⁵ Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 127.

hostileм oppressione» (угнетенные враждебным могуществом), был намеренно искажен, чтобы придать тексту ярко выраженную антирусскую направленность. Это может пролить свет на намерения польских информаторов воеводы Друи.

Главное, однако, было не в выражениях вступительной преамбулы договора, которые могли оскорбить царя и его советников. А.Л. Ордин-Нащокин обратил внимание и на 7-ю статью соглашения, накладывавшую на Карла Густава обязательство вернуть прежним владельцам земли в Литве, утраченные ими «в прошлой войне» («proximo bello»), когда он их «назад возьмет» (recuperarent)¹⁴⁶. В переводе, переданном А.Л. Ордину-Нащокину, соответствующие формулировки были заострены – там читалось о землях, которые «przez nieprzyjaciela pod czas teу wojny opanowane» (захвачены неприятелем во время этой войны), и содержалось обязательство вернуть эти земли «jakimkolwiek sposobem» (каким угодно способом), но существа дела это не меняло. Договор был свидетельством существования враждебных по отношению к России планов, одобренных и санкционированных шведской властью.

В свете этого договора приобретали совершенно определенное, враждебное по отношению к России звучание некоторые черты русско-шведских отношений в последние месяцы 1655 г. По просьбе русской стороны, переданной через Удде Эдла, в титул Алексея Михайловича в адресованных к нему шведских грамотах были внесены эпитеты, свидетельствующие о том, что он является правителем «Малой России», Смоленска и городов Восточной Белоруссии, занятых русскими войсками во время военной кампании 1654 г.¹⁴⁷ Однако шведская сторона упорно отказывалась признать титулы, принятые царем после взятия Вильно, – «Белая Россия» и «великий князь Литовский». В переписке с русскими воеводами М. Делагарди отказывался признать эти новые титулы до заключения русско-шведского соглашения¹⁴⁸. В условиях, когда по Кейданскому договору магнаты и шляхта провозглашали Карла Густава наследственным великим князем литовским, отказ признать новые титулы царя должен был восприниматься как отказ шведской стороны признать права царя на Литву и мог восприниматься как свидетельство намерений шведского монарха выполнить свои обязательства и вернуть земли, занятые русскими войсками, их прежним владельцам.

Знакомство царя и его советников с текстом Кейданского договора совпало по времени с приходом сообщений о попытках шведских офицеров утвердить свою власть на спорных пограничных территориях и вообще распространить зону шведского влияния на белорусских землях¹⁴⁹. Так, 12 ноября 1655 г. шведские офицеры потребовали от жителей Гродненского уезда собрать провиант для шведского гарнизона в Августове. Один из шведских офицеров, полковник А. Волакс в начале декабря послал «листы» в Слоним, Новогрудок и ряд других мест с требованием, чтобы «все города и крепости людем свейским осадили»¹⁵⁰. 10 декабря А. Волакс сообщал о вводе шведского гарнизона в Слуцк, а в конце месяца войска, посланные из Слуцка, пытались занять Старый Быхов¹⁵¹. После знакомства с текстом Кейданского договора все эти действия должны были восприниматься как попытки поставить под сомнение власть царя на этих землях и создать выгодный плацдарм для наступления на Россию. Беспокойство

¹⁴⁶ См. текст латинского текста договора с подписями и печатями в. Шютте и М. Делагарди: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 5. Л. 37 (текст попал в Посольский приказ в мае 1657 г.: Там же. Л. 1).

¹⁴⁷ См. перевод грамоты Карла Густава царю от 29 марта 1655 г.: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 4. Л. 41.

¹⁴⁸ См. одну из октябрьских отписок С.А. Урусова (РГАДА. Ф. 96. 1655 г. Д. 9. Л. 1–2), грамоту М. Делагарди русским воеводам от 21 сентября (Там же. Д. 8. Л. 89), а также записи беседы М. Делагарди с русским гонцом А.И. Нестеровым (Там же. Л. 141).

¹⁴⁹ Сообщения о таких действиях собраны в справке, составленной в Посольском приказе перед приездом шведских «великих» послов: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 5. Л. 10–13.

¹⁵⁰ О передаче этих «листов» С.А. Урусову см.: РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 46.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 39.

не могло не вызвать и то, что в грамотах А. Волакса Карл Густав носил титул правителя «великого княжества Литовского всех принадлежностей»¹⁵².

Первой реакцией на эти действия были приказания воеводам предпринять аналогичные действия на спорных пограничных территориях. Так, 19 января 1656 г. А.Л. Ордину-Нащокину был послан приказ приводить к присяге царю жителей уездов Браслава, Икажна и Динабурга¹⁵³. В конце декабря 1655 г. царь принял посланца шляхты Ошмянского повета П. Ролю¹⁵⁴. В «статьях», поданных посланцем, выражалась надежда, что царь «взникати восхощет» те части Великого княжества, которые «непристойно на имя свейского короля подданы». В ответе царя на это пожелание думный дьяк записал: «отложить до послов»¹⁵⁵. В официальном ответе содержание этой краткой пометы было изложено следующим образом: «по той статье царского величества указ будет вперед, а ныне та статья отложена до съезду посольского»¹⁵⁶. Таким образом, в конце 1655 г. окончательное решение о характере будущих отношений со Швецией не было принято. Много здесь зависело от того, с какими предложениями приедут в Москву шведские «великие» послы¹⁵⁷.

Шведское посольство было отправлено для подтверждения Столбовского мирного договора еще в июле 1655 г., но послы, как сообщал русский гонец в Курляндию Я. Поздышев, приехав в Ригу в момент вступления шведских войск на территорию Великого княжества, задержались там, ожидая, «что учинитца под Вильном»¹⁵⁸. Приехав в Москву в октябре 1655 г., «великие» послы ждали здесь возвращения царя из похода. В декабре Алексей Михайлович вернулся в Москву, 21 декабря он принял шведских послов, а 23-го начались собственно переговоры, где с великими послами встретила большая делегация во главе с Н.И. Одоевским, в нее входил и глава Посольского приказа думный дьяк Алмаз Иванов¹⁵⁹.

На приеме у царя 21 декабря шведские послы заявили, что цель их посольства это добиться подтверждения Столбовского договора в связи со сменой монарха на шведском троне и уладить «сорные дела» между государствами¹⁶⁰. На встрече с русскими представителями 23 декабря добавилось предложение о заключении союза против Яна Казимира и его сторонников («и на того б, де, общего неприятеля надобно стоять заодно»)¹⁶¹. Шведские послы передали русским представителям обширную записку с предложениями о расследовании пограничных столкновений и жалоб «свейских торговых людей». Документ не содержал главного – в нем не было никаких предложений об изменении текста Столбовского договора в связи с появлением новых границ между государствами. Напротив, в записке утверждалось, что «ныне не подобает о рубежах спороватца или бранитца», и предлагалось все это «отложить на иное время»¹⁶².

При таком положении дел на встрече, состоявшейся 2 января 1656 г., был поднят вопрос о признании шведской стороной новых титулов Алексея Михайловича – «Белая Россия», «Литовский, Волынский и Подольский». Заявление послов, что им «про те царского величества титулы неведомо», вызвало возмущение русских представителей, так как вопрос о признании этих титулов царя неоднократно поднимался в русско-шведской дипломатической

¹⁵² Позднее на это специально указывал Алексей Михайлович в своей грамоте шведскому королю (ДАИ. Т. 6. С. 451).

¹⁵³ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Стб. 162. Л. 185.

¹⁵⁴ Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 83–84.

¹⁵⁵ Там же. С. 86.

¹⁵⁶ Там же. С. 94.

¹⁵⁷ Это не позволяет согласиться с мнением Е.И. Кобзаревой, что решение о войне было принято до начала переговоров со шведским посольством (Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 63, 86).

¹⁵⁸ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 3. Л. 152.

¹⁵⁹ Там же. Л. 441, 471.

¹⁶⁰ Там же. Л. 462–464.

¹⁶¹ Там же. Л. 507.

¹⁶² Там же. Л. 517.

переписке¹⁶³. Послы пояснили позднее, что так получилось «для короткого их отпуска», «за неведомостью», но им «собою того переменить нельзя». Когда русские представители предложили отправить к королю гонца за новыми инструкциями, последовал ответ: «королевского величества сыскать неведомо где, разве, де, им, послом, за гонцы ехать самим назад»¹⁶⁴. Споры по этому вопросу тянулись, принимая острый характер. Послы предлагали отпустить их из Москвы – «живут, де, многое время, а дела у них никакова не учинено»¹⁶⁵. Лишь 26 января они согласились отправить гонца к Карлу Густаву за новыми инструкциями¹⁶⁶. Заслуживает внимания и еще один эпизод на этой стадии переговоров. В ответ на жалобы с русской стороны на захваты русских земель шведскими военачальниками послы заявили, что «им, де, про то неведомо»¹⁶⁷.

Поведение шведских послов опровергало заявления М. Делагарди, что с их приездом будут решены все спорные вопросы в отношениях между государствами. Как представляется, у русских политиков должно было сложиться впечатление, что принимать какие-то серьезные решения шведские послы не намерены и их цель состоит в том чтобы тянуть время, пока Швеция не утвердится окончательно на польских землях, а затем придет очередь и России. В таких условиях на первый план выдвинулся вопрос о превентивной войне со Швецией, чтобы сорвать планы Карла Густава.

Уже на встрече 2 января был поднят вопрос о «прописках» – ошибках в написании титулатуры царя в грамотах шведских должностных лиц. «Знатно, – указывали в этой связи русские представители, – что то делаетца с королевского величества стороны умышлением, на ссору»¹⁶⁸. Появление в переговорах этого мотива было тревожным признаком. Нежелание властей Польско-Литовского государства наказать лиц, виновных в «прописках», оскорблявших «государскую честь», так, как этого требовала Москва, в 1654 г. послужило основанием для разрыва отношений и начала войны. К этой теме русские представители вернулись снова на встрече 9 февраля, когда они потребовали смертной казни для лиц, виновных в прописках (в частности, для бургомистров Таллина)¹⁶⁹. Выдвижение такого явно невыполнимого требования, как представляется, говорило о том, что к этому времени решение о войне со Швецией уже было принято. Когда шведские послы ответили, что решение этого вопроса находится вне их компетенции, требование «казнить смертно безо всякие пощады» членов таллинского магистрата и полковника А. Волакса, оскорбивших «государскую честь», было включено в текст грамоты от 17 марта, которую повез Карлу Густаву гонец Назарий Алфимов¹⁷⁰. К этому времени сложился конкретный план военной кампании против Швеции¹⁷¹.

Переговоры, во время которых русская сторона выдвигала все новые обвинения в нарушении шведской стороной вечного dokonчания, продолжались¹⁷². Но, как представляется, это делалось для того, чтобы ввести будущего противника в заблуждение относительно своих намерений. Даже в начале мая, когда стало известно об отправлении царя на войну, Алмаз Иванов заявил «дворянину» шведского посольства, что царь отправляется в Великое княжество

¹⁶³ Там же. 1656 г. № 4. Л. 3–4.

¹⁶⁴ Там же. Л. 13–15, 23–25.

¹⁶⁵ Там же. Л. 102.

¹⁶⁶ Там же. Л. 120–122.

¹⁶⁷ Там же. Л. 37.

¹⁶⁸ Там же. Л. 31.

¹⁶⁹ Там же. Л. 141–143.

¹⁷⁰ ДАИ. Т. 6. С. 453–454.

¹⁷¹ Посланный с дипломатической миссией в Данию и покинувший русскую столицу в середине марта кн. Д.Е. Мышецкий точно указал датским министрам три направления действий русских войск и имена командующих этими войсками (Русская и украинская дипломатия в международных отношениях в Европе середины XVII в. М., 2007. С. 375).

¹⁷² Характеристику этого этапа переговоров см.: Кобзарева Е.И. Борьба... С. 87–89.

Литовское «для оберегания что от польских людей»¹⁷³. Лишь 17 мая царь приказал «выговорить» послам «неправды» шведского короля и объявить, что они задержаны¹⁷⁴.

Каковы были причины столь резкой смены внешнеполитического курса и воздействие каких факторов повлияло на решение русских политиков? Вопрос этот волновал интернированных в Москве шведских послов, отправивших к королю 25 октября 1657 г. записку с изложением причин войны. Анализируя эту записку, уже Г.В. Форстен пришел к выводу, что, по мнению послов, главной причиной войны стало вмешательство Карла Густава в польские дела¹⁷⁵. Как писали авторы записки, наблюдая за действиями Карла Густава в Польше, царь пришел к выводу, что шведский король хочет подчинить себе соседей¹⁷⁶. Свидетельства, анализ которых приведен выше, позволяют уточнить этот вывод – объявление войны было в представлении русских политиков превентивным шагом, чтобы сорвать враждебные планы Карла Густава по отношению к России. Поступавшие в Москву после принятия решения о войне сообщения подтверждали его правильность.

Так, 14 февраля была получена отписка от Виленского воеводы, который сообщал, что в Вильно прибыли князь Самуил Огинский с сыном, которые заверяли, что «подлинно ведают, что шведу было с твоими государевыми людьми бой учинить и княжества Литовского достигать»¹⁷⁷. В конце февраля с важными известиями возвратился Климент Иевлев, посетивший Карла Густава в его походной ставке в Пруссии. Привезенная им грамота Карла Густава от 1 января 1656 г. не давала каких-либо оснований для беспокойства. Хотя в грамоте отсутствовали новые титулы царя, тон ее был дружественным. Подробно информируя о своих успехах, король выражал надежду, что они обрадуют царя и он со своей стороны постарается «королю Яну Казимиру шкоду каким обычаем учинить». Он одновременно предлагал направить к нему послов, чтобы «договоритца о рубежном разводе»¹⁷⁸. Однако совсем другой характер носили сведения, которые гонец добыл неофициальным путем. Писарь Ян Сапега, явившийся свидетелем боев под Брестом, говорил Иевлеву, что литовцы не захотели подчиниться С.А. Урусову потому, что «ныне обещался свейской король, что хочет наши маетности и города поворотить по Березину реку»¹⁷⁹. Находившийся в шведском плену гетман В. Госевский также объяснял гонцу, что литовцы не вели войны с Карлом Густавом «и все здавались добровласно», так как король обещал, «что Литовское княжество очистит по прежнему». Король, по его словам, «хочет просить у великого государя вашего, чтоб отдал тое землю бессорно, а будет не отдасът, и он, король, хочет итить войною»¹⁸⁰. Обеспокоенный этими сообщениями гонец стал опрашивать других людей и после всех разговоров записал в «статейном списке»: «все бескрытно поляки и немцы говорят, что впрям война будет, только царское величество Литовские земли не отдаст королю свейскому, и король идет в мае месяце»¹⁸¹. Здесь, таким образом, был даже указан срок, когда начнется новая война.

Тогда же, в конце февраля, в руки русского правительства попал важный документ, по значению своему не уступавший Кейданскому договору. Это был текст «статей», предложенных коронным войском Карлу Густаву с изложением условий, на которых оно готово было при-

¹⁷³ РГАДА. Ф. 96.1656 г. № 4. Л. 262.

¹⁷⁴ Там же. Л. 301–303.

¹⁷⁵ Форстен Г.В. Сношения Швеции с Россией во второй половине XVII в. // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1898. № 4. С. 321.

¹⁷⁶ Там же. С. 324.

¹⁷⁷ АМГ. Т. 2. № 793. С. 482.

¹⁷⁸ Перевод грамоты см.: РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 6. Л. 75–85.

¹⁷⁹ Там же. Л. 122.

¹⁸⁰ Там же. Л. 123.

¹⁸¹ Там же. Л. 137.

знать шведского короля своим государем, с ответами Карла Густава на эти предложения¹⁸². 9-я статья этого документа налагала на нового монарха обязательство «как можно скорее» вернуть в состав Речи Посполитой Великое княжество Литовское, а также воеводства Русское, Подольское, Волынское, Брацлавское и Черниговское. В ответ на это условие король ответил, что после коронации примет меры, чтобы вернуть Речи Посполитой утраченные земли. Карл Густав обещал, что сразу же вышлет грамоты, чтобы русские войска ушли за свои границы, а «если бы москаль и одного кирпичика отдать не хотел», он станет действовать силой¹⁸³.

Все это давало серьезные основания для поворота на путь открытого конфликта со Швецией. Отражали эти соображения и тексты соглашений действительные замыслы шведских правящих кругов или прежде всего планы и надежды сторонников прошведской ориентации среди магнатов и шляхты Речи Посполитой?

Летом 1655 г., когда Швеция готовилась к войне с Польско-Литовским государством, была завершена работа над инструкциями для посольства, отправленного в Москву, чтобы подтвердить Столбовский договор. Послы должны были предложить заключить союз против Речи Посполитой и соглашение о разделе Польско-Литовского государства. Подготовленные предложения предусматривали переход под русскую власть восточной части современной Белоруссии с Витебском, Полоцком и Борисовом, а южнее граница должна была идти по рекам Случ и Горынь. Однако шведские уполномоченные не имели права подписывать такое соглашение, оно должно было быть послано на утверждение королю. Очевидно, конкретные условия такого соглашения зависели от того, каких успехов шведы сумеют добиться в ходе войны¹⁸⁴. Как показано в предшествующем изложении, при вводе шведских войск на территорию Великого княжества Литовского шведские военачальники старались избежать каких-либо столкновений с русской армией. Когда в заявлении о переходе под шведскую власть участники собрания под Кейданами потребовали, чтобы русские войска были тем или иным способом оттеснены за Днепр, М. Делагарди и Б. Шютте сообщали королю, что, по их мнению, эти предложения нельзя принять¹⁸⁵. И позднее попытки литовских магнатов развязать войну с Россией встречали отрицательную реакцию в королевской ставке¹⁸⁶. Вместе с тем соглашения, по которым шведский король обязывался вернуть Речи Посполитой утраченные земли, были заключены. Это было одним из главных условий, на которых магнаты и шляхта Речи Посполитой соглашались принять шведскую «протекцию». Если шведский король хотел прочно утвердиться в Речи Посполитой, ему следовало позаботиться об исполнении этих обязательств. К тому же они никак не противоречили тем концепциям шведских правящих кругов, которые разрабатывались осенью 1654 г. и получили свое выражение в высказываниях ряда членов риксрода.

В этой связи обращает на себя внимание тот факт, что шведские послы, располагая упомянутыми выше инструкциями, не выдвинули никаких предложений о дополнении Столбовского договора соглашением, в котором были бы установлены границы между государствами на территории Восточной Европы. В своей грамоте от 16 января 1656 г. (о чем уже говорилось) Карл Густав предлагал царю прислать к нему «великих» послов для заключения соглашения о границах. Тем самым заключение такого соглашения отодвигалось на неопределенное время.

Как отметил А. Котлярчук, после заключения договора в Кейданах ряд литовских офицеров получили грамоты на имения в районах Гродна, Ошмяны и Лиды, то есть на землях,

¹⁸² Текст документа привез в Смоленск ротмистр Данила Гурко, списавший его у кн. Самуила Огинского.

¹⁸³ Польский текст документа и ответов на него см.: РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 1. Л. 72-73об. О заключении такого соглашения сообщалось в известиях, рассылавшихся из лагеря коронного войска (Kersten A. Hieronim Radziejewski... S. 447). О самом соглашении см.: Kubala L. Wojna szwedcka... S. 136–137.

¹⁸⁴ Заборовский Л.В. Россия... С. 125–126; Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 209.

¹⁸⁵ Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 119–120.

¹⁸⁶ Kersten A. Hieronim Radziejewski... S. 446.

занятых русскими войсками¹⁸⁷. Но этими отдельными небольшими пожалованиями дело не ограничилось. 6 ноября 1655 г. М. Делагарди дал Богуславу Радзивиллу, одному из главных сторонников прошведской ориентации в Великом княжестве Литовском, охранную грамоту на его владения. Помимо родового владения Богуслава – Слуцкого княжества к принадлежащим ему землям были причислены Несвиж – владения другой линии рода, а также такие города, как Пинск, Слоним, Быхов, Ляховичи¹⁸⁸. Вслед за выдачей этого документа высланные из Слуцка войска в декабре 1655 г. заняли Несвиж и Мир, была и попытка захватить Ляховичи¹⁸⁹.

Но этим дело не ограничилось. В марте 1656 г. А. Волакс прислал охранную грамоту М. Делагарди в Вильно с сопроводительным письмом («инструкцией»), в котором говорилось, что король поручил Волаксу взять эти земли под свою охрану, и содержалось требование, чтобы русские войска не вступали на эти территории¹⁹⁰. Таким образом, шведские власти выступили с притязаниями на всю юго-западную часть Великого княжества Литовского. В грамоте царю от 25 января 1656 г. сам Карл Густав заявил о своих правах на Слуцк и Брест¹⁹¹. Отклонение таких претензий могло стать достаточной причиной для войны. Эти факты, как представляется, дают достаточное основание для вывода, что для шведских правящих кругов на рубеже 1655/56 гг. перспектива возможной войны с Россией являлась и близкой и реальной. Положение изменилось, когда на польских землях началось восстание против шведов.

В своей записке шведские дипломаты отметили, что вмешательство Карла Густава в польские дела было главной, но не единственной причиной войны. Другой важной причиной было стремление царя утвердиться на Балтийском море¹⁹². О тех факторах, благодаря действию которых вопрос о поисках выхода к Балтийскому морю именно в середине XVII в. приобрел для русских правящих кругов важное значение, писал в свое время О.Л. Вайнштейн¹⁹³. Исследователь справедливо отмечал, что доходы от обложения внешней торговли представляли для русского правительства особое значение, как «наиболее концентрированный и наилучше контролируемый объект фискальной эксплуатации». Для страны, не имевшей своих месторождений драгоценных металлов, как Россия в середине XVII в., внешняя торговля была одним из главных источников их добывания¹⁹⁴. Поскольку порты, лежавшие на путях, связывавших Россию со странами западной Европы, находились под властью Швеции, происходивший в этих портах товарообмен облагался именно здесь торговыми пошлинами, поступления от которых пополняли шведскую казну. Концентрации именно в этих местах товарооборота между Россией и странами Западной Европы способствовала политика шведских властей, закрывавшая западноевропейским купцам путь в Россию, а русским купцам путь на Запад. На территории самих ливонских городов непосредственная торговля между русскими и западноевропейскими купцами была запрещена, товарообмен происходил благодаря принудительному посредничеству немецких купцов – подданных шведской Короны, наживавшихся на этом¹⁹⁵.

Невыгодные для России стороны этого порядка с особой остротой обозначились в середине XVII в. 40–50-е гг. XVII в. стали временем значительного расширения объема русской

¹⁸⁷ Kotljarchuk A. In the Shadows... R 173.

¹⁸⁸ См. перевод с «немецкого оберегательного листа»: РГАДА. Ф. 96. 1655 г. № 5. Л. 40.

¹⁸⁹ Wasilewski T. Zarys dziejów Bogusława Radziwiłła // Bogusław Radziwiłł H. Autobiografia. Warszawa, 1979. S. 55.

¹⁹⁰ См. об этом в особой грамоте, посланной с Н. Алфимовым. Царь хотел узнать, предприняты ли эти шаги действительно по приказу короля: ДАИ. Т. 6. С. 455–456.

¹⁹¹ Kotljarchuk A. In the Shadows... R 189.

¹⁹² Форстен Г.В. Сношения... С. 323. В этой связи в записке отмечена и резко отрицательная реакция в Москве на слухи о планах шведов захватить Архангельск и поставить под свой контроль всю торговлю России со странами Западной Европы.

¹⁹³ Вайнштейн О.Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. // Ученые записки Ленинградского государственного университета. № 130. Л., 1951.

¹⁹⁴ Там же. С. 164–165.

¹⁹⁵ Об ограничениях, налагававшихся на торговую деятельность русских купцов в ливонских городах, см.: Рухманова Э.Д. Русско-шведская торговля на Балтике в середине XVII века // Скандинавский сборник. Т. II. Таллин, 1957. С. 62.

внешней торговли на балтийском направлении, о чем говорит имевшее место в эти годы увеличение в несколько раз доходов от торговых пошлин, собиравшихся в ливонских портах¹⁹⁶. Установление контроля над ливонскими портами (прежде всего над Ригой, через которую поступало на внешний рынок до $\frac{2}{3}$ товаров с территории Восточной Европы) могло бы стать очень важным дополнительным источником пополнения русской казны¹⁹⁷. «Балтийский бум» (выражение современного исследователя) 40–50-х гг. XVII в. привел к расширению круга участников торговли с русской стороны (наряду с купцами из Пскова и Новгорода в ней все более активное участие стали принимать купцы из Москвы и Ярославля) и накоплению в их руках крупных партий товаров и капиталов, росту их активности, находившей выражение в многочисленных торговых поездках¹⁹⁸.

Середина XVII в. отмечена и первыми попытками русских купцов самостоятельно посещать европейские порты (в частности, Любек), что наталкивалось на противодействие шведских властей¹⁹⁹. К середине XVII в. русское купечество стало важной активной силой, способной (при отсутствии барьеров) к самостоятельному выходу на европейский рынок. Такая перспектива не могла оставить равнодушными русские правящие круги, тем более, что выход на европейский рынок способствовал бы не только обогащению купцов, но и успешной реализации казенного товара, принадлежавшего царю, которым зачастую купцы и торговали. Неслучайно шведские послы отметили в своей записке, что царь «является самым большим купцом в своей стране»²⁰⁰.

В 1652 г. Алексей Михайлович обратился к курляндскому герцогу с предложением построить для него в Митаве 4 корабля, чтобы затем они плавали по Балтийскому морю вместе с кораблями герцога²⁰¹. Еще до начала летней военной кампании 1655 г. 22 июня была подготовлена царская грамота с предложением городу Гданьску перейти под русский протекторат, а царь обещал подтвердить все городские права и привилегии. Отправленный с этой грамотой псковский купец Никита Иевлев не мог проехать в город, уже блокированный шведскими войсками и флотом²⁰². Все эти факты говорят о попытках поиска обходных путей вокруг барьеров, поставленных шведскими властями на пути из России в Европу. В 1656 г. было принято решение сломать их силой.

Анализируя причины, побудившие русское правительство принять решение о войне, шведские послы отмечали неблагоприятные для Швеции изменения в международной обстановке, выступления враждебных Швеции держав. Особенно значительную роль, по их мнению, сыграла деятельность австрийских дипломатов, внушавших Алексею Михайловичу различные «подозрения» относительно шведских планов²⁰³.

Как представляется, роль этого фактора была шведскими дипломатами явно преувеличена, но влияние на русскую внешнюю политику изменений международной обстановки на рубеже 1655/56 г. отрицать невозможно.

Вмешательство Швеции в события, происходившие в Восточной Европе, привело к резкому расширению рамок конфликта, вовлечению в него ряда европейских государств, ранее относившихся достаточно безучастно к происходившему в этом регионе. Ясно обозначившиеся планы шведов окончательно превратить Балтийское море в «шведское озеро» вызвали

¹⁹⁶ Рухманова Э.Д. Русско-шведская торговля... С. 61–62; Kotilaine J.T. Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeenth century. Brill; Leiden; Boston. 2005. P. 312–313.

¹⁹⁷ Kotilaine J.T. Russia's foreign trade... P. 322–324.

¹⁹⁸ Рухманова Э.Д. Русско-шведская торговля... С. 49–60; Kotilaine J.T. Russia's foreign trade... P. 313–316.

¹⁹⁹ Вайнштейн О.Л. Экономические предпосылки... С. 176–177; Kotilaine J.T. Russia's foreign trade... P. 316.

²⁰⁰ Форстен Г.В. Сношения... С. 323.

²⁰¹ Вайнштейн О.Л. Экономические предпосылки... С. 177.

²⁰² Заборовский Л.В. Россия... С. 132–133.

²⁰³ Форстен Г.В. Сношения... С. 324–325.

резко негативную реакцию и главных хозяев морской торговли на Балтике – голландцев, и старого, традиционного соперника Швеции – Дании. Вернувшийся из Голландии в Москву поздней осенью 1655 г. гонец И. Амирев сообщал, что с приходом шведского флота к Гданьску на находившиеся здесь «гданские... и иных земель на торговые корабли наложили пошлину большую... в десятеро», но голландцы «в том свейскому королю воли дать и одному морем владеть не хотят». По его сообщениям, голландцы вступили в переговоры с Данией и была достигнута договоренность о посылке обоими государствами весной 1656 г. военного флота к Гданьску, чтобы добиться снятия блокады²⁰⁴. Это показывало, что, выступая против Швеции, Русское государство может найти себе союзников, к тому же располагающих собственным флотом.

В Москве к концу 1655 г. также были сведения о еще одном правителе, чьи земли находились на Балтийском море, который мог бы также стать союзником в борьбе со шведами. Это был бранденбургский курфюрст Фридрих Вильгельм. Выше уже говорилось о посылке в Вильно летом 1655 г. Лазаря Киттельмана, просившего от имени курфюрста оказать ему поддержку против шведов. На эту просьбу тогда не реагировали, но должны были отметить напряженность в отношениях между этим правителем и шведами.

В конце 1655 г. А.Л. Ордин-Нащокин сообщал, что находившегося в Кенигсберге курфюрста посетил Магнус Делагарди, потребовавший от имени Карла Густава, «шток князь пруссии ему поддался со всим князством», но курфюрст «з великою строгостью отказал». После этого Фридрих Вильгельм, «обороняя свою Прусскую землю, ссылался с голанским». По сведениям воеводы, поздней осенью 1655 г. начались уже военные столкновения между войсками Карла Густава и курфюрста²⁰⁵. Эти сообщения, как увидим далее, были также приняты во внимание.

Шведских послов особенно беспокоило присутствие в Москве австрийских дипломатов. В записке о причинах войны они выражали убеждение, что именно эти посланники настроили царя против Карла Густава²⁰⁶. Австрийское посольство во главе с А. Алегретти и Т. Лорбахом было отправлено из Вены в июне 1655 г. с предложением посредничества императора на мирных переговорах между Алексеем Михайловичем и Яном Казимиром. Добравшись до Москвы в октябре, посланники ждали здесь возвращения царя из похода²⁰⁷. Русско-австрийские переговоры начались 17 декабря 1655 г. Сделанная в Посольском приказе запись переговоров показывает, что подозрения шведских дипломатов не имели оснований. Хотя предложение о посредничестве противоречило шведским внешнеполитическим планам, никаких враждебных высказываний ни о Карле Густаве, ни о его враждебных по отношению к России планах австрийские посланники не сделали. Приписывать им значительную роль в принятии решения о войне нет оснований. Однако определенное влияние на позицию русского правительства русско-австрийские переговоры оказали.

На предложение о посредничестве царь очень быстро дал положительный ответ, предложив, чтобы Ян Казимир прислал своих представителей в Москву к 1 мая 1656 г.²⁰⁸ В начале января 1656 г. в Вену отправился гонец Г. Богданов с «опасной грамотой» для польских послов²⁰⁹. Однако в условиях, сложившихся в конце 1655 г., это предложение большого инте-

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Голландией). 1655 г. № 4. Л. 9об.-11.

²⁰⁵ РГАДА. Ф. 79.1655 г. № 13. Л. 4.

²⁰⁶ Форстен Г.В. Сношения... С. 324. Это беспокойство нашло свое выражение в ходе русско-шведских переговоров, когда послы высказали подозрение, что царь не отвечает на их предложения, ожидая возвращения гонца от «цесаря» (РГАДА. Ф. 96. 1656 г. № 4. Л. 102).

²⁰⁷ См. подробнее: Шварц И. Австро-русские дипломатические отношения в первые годы Северной войны // Русская и украинская дипломатия в Евразии. 50-е годы XVII века. М., 2000. С. 33–34.

²⁰⁸ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными (далее – ПДС). Т. 3. СПб., 1854. Стб. 398, 405.

²⁰⁹ Там же. Стб. 539 и сл.

реса для русской стороны не представляло. Советникам царя было хорошо известно, что Ян Казимир находится «во изгнании», а шведы «безпрестанно Польскую землю воюют и городов доставают». Они спрашивали своих австрийских собеседников: «Коли уж свейской всем завладеет, и в то время что делать и с кем будет мириться?»²¹⁰. Австрийские посланники заверяли, что положение не безнадежно. Католическое духовенство, которое очень influentially в Польше, не сможет «ужиться» «с лютеры и с кальвины» – с еретиками-шведами. Да и, кроме того, «папа и цесарь, и короли Ишпаньской и Французской и иные христианские государи, которые католицкой веры... своей католицкой вере загинуть не дадут»²¹¹. Сообщение о том, что Речь Посполитая может рассчитывать в войне со шведами на внешнюю помощь, не могло не привлечь внимания участвовавших в переговорах бояр²¹² и главы Посольского приказа думного дьяка Алмаза Иванова. На встрече 24 декабря австрийским собеседникам был задан прямой вопрос: «Цесарскому величеству за польского короля на шведа стоять ли?». Ответ австрийских послов на этот вопрос заслуживает внимания. Посланники заявили, что еще летом 1655 г. император начал набор войска и новые усилия в этом плане были предприняты осенью. «И буде царское величество с королем польским мир учинит, и цесарское величество, чают, что польскому королю помогать учнят»²¹³.

Эти заявления явно расходились с той политикой, которую проводило австрийское правительство во время пребывания посланников в Москве. Начиная с августа 1655 г. и король Ян Казимир и сенаторы неоднократно обращались в Вену с просьбами о помощи²¹⁴, но император ограничился тем, что предоставил Яну Казимиру и его сторонникам прием в своих владениях в Силезии и обратился к Карлу Густаву с предложением о посредничестве²¹⁵ и не было каких-либо признаков, что австрийская политика в близком будущем может измениться.

Обо всем этом в Москве не знали. Вместе с тем у царя и его советников были серьезные основания отнестись со всем вниманием к заявлению австрийских посланников. Во-первых, во владениях императора действительно шел набор войска²¹⁶, и сведения об этом поступали не только от посланников, но и из других источников. Так, Г. Богданов сообщал с дороги, что император «войско собирает большое... и от свейского короля добре опасен»²¹⁷. Во-вторых, заявления посланников, что католические государи не оставят Казимира без поддержки, находили подтверждение в заявлениях шведских «великих» послов, которые обосновывали необходимость союза России и Швеции именно тем, что им следует совместно противостоять католическим государям, которые станут помогать Яну Казимиру²¹⁸. В-третьих, в пользу того, что Австрия должна будет выступить против Карла Густава, говорили и важные общие соображения. В отличие от России и Речи Посполитой Швеция занимала важное определенное место в системе европейских международных отношений. В годы Тридцатилетней войны она выступала как серьезный союзник Франции в ее борьбе за европейскую гегемонию с испанскими и австрийскими Габсбургами. Эти тесные союзные отношения сохранялись и по окончании войны. Резкое усиление Швеции с успехами Карла Густава в Польше, переход под шведскую власть обширных территорий на восточной границе владений австрийских Габсбургов – все это изменяло сложившееся в Европе после окончания войны соотношение сил в пользу про-

²¹⁰ ПДС. Т. 3. Стб. 412.

²¹¹ Там же. Стб. 403.

²¹² О значении, которое этим переговорам придавалось, говорит участие в них таких значительных лиц, как А.Н. Трубецкой, Ю. А. Долгорукий, Б.М. Хитрово.

²¹³ ПДС. Т. 3. Стб. 413.

²¹⁴ Kubala L. Wojna szwecka... S. 94–95, 226–227.

²¹⁵ Ibid. S. 132, 228.

²¹⁶ Ibid. S. 228, 238.

²¹⁷ ПДС. Т. 3. Стб. 576.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 3. Л. 508–509.

тивников Австрийской монархии. Именно принимая это во внимание, польские политики так настойчиво искали помощи в Вене.

В Москве, опираясь на заявление австрийских посланников, имели основания считать перспективу скорого вмешательства Австрии вполне реальной. Именно в этом (а не в каких-то выпадах по адресу Карла Густава) заключалось воздействие австрийских дипломатов на принятие решения о войне.

Таким образом, рисовалась перспектива выступления против Швеции целого ряда государств, и это, конечно, повышало шансы на успех в войне с Карлом Густавом.

При оценке факторов, повлиявших на решение русского правительства начать войну со Швецией, следует принять во внимание и приходившие в Москву свидетельства о недовольстве населения на землях, занятых шведами, шведской властью. Большая часть этих свидетельств относится к занятым шведами землям Великого княжества Литовского.

Ездивший в сентябре 1655 г. к М. Делагарди гонец А.И. Нестеров сообщал о жалобах Я. Радзивилла, что после его перехода под власть шведской короны «шляхта и всякие служилые люди были у меня в полку, и те, де, все от меня в рознь поехали, а которые, де, со мною немногие люди остались, и я тех людей опасаюсь, чтоб они надо мной какова дурна и смертного убойства не учинили»²¹⁹. О том, что литовское войско не стало присягать шведам и Я. Радзивилл остался с людьми «только двора ево», сообщал и А.Л. Ордин-Нащокин²²⁰. А.И. Нестерову во время путешествия пришлось слышать отзывы, что Януш Радзивилл – «изменник, нас всех згубил, поневоле, де, мы учинились в подданстве у шведского короля»²²¹. Встречавшийся с ним брацлавский подстароста К. Коссаковский говорил, что шляхтичи «тужат», что «у свейского, де, короля в подданстве жить не привыкнуто», что «свейского люди во всем обманывают»²²².

Поздней осенью 1655 г. А.Л. Ордин-Нащокин сообщал, что в Жемайтии шведы собирают «кормы великие» на содержание своего войска, и «шляхта меж собою сеймуют, хотят от свейян отстать». По его сведениям, и в Брацлавском повете шляхта 18 ноября собралась на сеймик и заявила шведскому «комиссару», что «если вперед только так будет, и им, де, под свейским королем быть не мошно»²²³. Проезжавший в начале 1656 г. через Курляндию Г. Богданов сообщал с дороги, что в соседних литовских поветах Я. Радзивилла «проклинаят», «и если, де, взочнется у свейского с которым великим государем война, и они, де, все от свейского отступят»²²⁴.

Особый интерес для русских правящих кругов должны были представлять те свидетельства, в которых говорилось о том, что недовольная шведами шляхта готова отдать предпочтение власти царя. Так, уже А.И. Нестеров сообщал, что в Литве «городов и уездов шляхта говорят – поневоле, де, мы учинились в подданстве у свейского короля, лутчи, де, нам быть великого государя... под крепкою высокою рукою»²²⁵. Певчий А. Левзовский, ездивший в Киев для обучения «партесному» пению, сообщал в начале 1656 г., что поляки, «видя над собою такую беду, чинят рокош (т. е. мятеж. – Б.Ф.), один другово укоряет, для чего поддавались шведу, а лутче поддатца было б царскому величеству»²²⁶. К. Иевлев, возвращавшийся от Карла Густава через Жемайтию в начале 1656 г., слышал заявления местной шляхты, что «если бы изволил великий государь ваш... хотя бы одну тысячу за реку Вилею переслать, и вся б Жмоцкая земля ему, царскому величеству, поддалась, а что в той Жмоди ни есть шведов, то

²¹⁹ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 8. Л. 169.

²²⁰ РГАДА. Ф. 210. Новгородский стол. Соб. 162. Л. 43–45.

²²¹ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 8. Л. 92.

²²² Там же. Л. 97.

²²³ РГАДА. Ф. 79.1655 г. № 13. Л. 2–3.

²²⁴ ПДС. Т. 3. Стб. 576.

²²⁵ РГАДА. Ф. 96.1655 г. Д. 8. Л. 92.

²²⁶ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 1. Л. 76.

б мы сами побили всех»²²⁷. Особенно авторитетным должно было быть для царя и его советников свидетельство генерального писаря Войска Запорожского Ивана Выговского, который 6 декабря 1655 г. сообщил В.В. Бутурлину, что черниговский воевода К. Тышкевич «и иные многие санатыри хотят быть в подданстве у царского величества, а за свейским, де, королем быть не хотят»²²⁸.

Все эти свидетельства говорили о том, что положение шведской власти на завоеванных землях непрочное, население ею недовольно и русское правительство может использовать это недовольство в своих интересах.

И. Выговский был и первым, от кого пришло в Москву сообщение о начавшемся на польских землях восстании против шведов. Он сообщал, что от шведского короля отложились «великополяне» и Мазовия, а против восставших Карл Густав послал перешедшее на шведскую службу коронное войско²²⁹. В феврале 1656 г. в Москву пришло уже несколько сообщений о восстании. Наиболее важные сведения содержала полученная 14 февраля отписка Виленского воеводы кн. М. Шаховского. Воевода сообщал, что от шведского короля «отошли» коронные гетманы и идут с войском к Люблину, куда движется и войско Павла Сапеги из Бреста²³⁰.

Как представляется, сообщения о восстании заставили русское правительство поторопиться с принятием решения. Оставшись пассивным и не определив своего отношения к Швеции, русское правительство могло утратить возможность влиять на ход событий, развертывавшихся на землях Речи Посполитой.

Исследователями неоднократно отмечалось, что на решение русского правительства о войне оказали влияние сведения о контактах Карла Густава с Войском Запорожским. Обстоятельный очерк оживленных сношений между королем и гетманом летом-осенью 1655 г. дал уже М.С. Грушевский в своей фундаментальной «Истории Украины – Руси». Затем к этой тематике исследователи обращались неоднократно. Последний очерк этих сношений дал на основании документов Стокгольмского архива А. Котлярчук. В ходе переговоров обе стороны пытались выяснить, что может принести Карлу Густаву помощь Войска Запорожского, а Богдану Хмельницкому возможный переход под шведский протекторат. Осенью 1655 г. стороны не пришли к соглашению, так как их интересы столкнулись по вопросу о принадлежности земель современной Западной Украины. Уход казацкой армии по настояниям шведской стороны из-под Львова вызвал недовольство казацкой старшины.

Для темы данного исследования важно установить, что было известно в Москве об этих контактах и как реагировали на поступавшие к ним сведения русские политики. «Статьи», оформлявшие отношения Войска Запорожского и русской власти после Переяславской рады, не запрещали гетману вести переговоры со шведскими правителями, но он должен был «подлинно и вскоре» информировать царя и его советников о содержании таких переговоров²³¹. Однако становившиеся известными факты говорили, что гетман этих условий не выполняет. Так, в начале 1656 г. стало известно, что в лагере под Львовом Хмельницкого посетил шведский посол²³², о чем он не сообщил ни В.В. Бутурлину, ни правительству в Москве. Особенное беспокойство должны были вызывать сообщения о намерении шведов установить свой протекторат над Войском Запорожским. Так, Я. Поздышев, ездивший в августе 1655 г. к курляндскому герцогу через Ригу, сообщал, что «в Риге слух носитца, что бутто и гетман Богдан

²²⁷ РГАДА. Ф. 96.1655 г. Д. 6. Л. 144.

²²⁸ РГАДА. Ф. 210. Белгородский стол. Стб. 382. Л. 316.

²²⁹ Там же. Л. 315.

²³⁰ АМГ. Т. 2. № 793. С. 482.

²³¹ Воссоединение Украины с Россией. Документы и материалы. Т. 3. М., 1954. С. 562.

²³² РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 1. Л. 112.

Хмельницкий будет под их швейским королем»²³³. В переводе голландских «курантов», зачитанном царю и боярам в конце 1655 г., также говорилось, что Хмельницкий «поддался под швейскую руку» и обязался не пускать на земли Речи Посполитой татар, которые хотят помочь Яну Казимиру, «чтоб швейским ратным людям от татар шкоды не было»²³⁴. К зиме 1655/6 г. вопрос об отношениях Хмельницкого со шведами стал даже предметом официальных переговоров. Австрийские посланники спрашивали бояр, «верен» ли царю Хмельницкий, так как «у швейских людей речь несется, будто Хмельницкой хочет поддаться под швейскую корону»²³⁵.

Все эти сообщения основывались на слухах, но в январе 1656 г. был задержан и передан Виленскому воеводе ездивший к Карлу Густаву гонец наказного гетмана казацкого войска в Белоруссии Ивана Золотаренко сотник Иван Петрович²³⁶. При нем были найдены грамоты Карла Густава и главного сторонника шведов в Речи Посполитой Иеронима Радзейовского, адресованные И. Золотаренко и Б. Хмельницкому. В письме И. Радзейовского Б. Хмельницкому сообщалось, что король отпустил к Хмельницкому его посла игумена Даниила²³⁷. Тем самым в руках русских властей оказалось бесспорное свидетельство того, что Хмельницкий ведет переговоры со шведами без ведома и позволения русского правительства²³⁸. Не могло не обеспокоить московских чиновников и письмо Карла Густава И.Н. Золотаренко от 16 ноября 1655 г., из которого следовало, что гетман предлагал прийти на помощь шведам с 10-тысячным войском и Карл Густав выражал готовность взять казаков на службу, если прусские сословия ему не подчинятся²³⁹. На встрече со шведскими послами 11 марта эта грамота им была предъявлена как пример неприемлемого вмешательства шведского монарха в отношения между царем и его подданными²⁴⁰. Как представляется, особое беспокойство русских политиков должно было вызвать письмо И. Радзейовского наказному гетману. Радзейовский писал, что в настоящее время, когда вся Речь Посполитая подчинилась шведскому королю, он не нуждается больше в помощи казаков и что теперь следует «о новой за границу помыслити войне»²⁴¹. Радзейовский явно имел в виду планы похода против Османской империи, которые предлагал шведскому королю Хмельницкий²⁴², но для русского правительства эти слова явились авторитетным подтверждением слухов о планах Карла Густава, направленных против России. Несомненно, переговоры Карла Густава с казаками способствовали ухудшению русско-шведских отношений, но решающего значения они не имели. Характерно, что Алексей Михайлович не захотел объясняться с Хмельницким по этому поводу. В записке шведских послов о причинах войны украинский вопрос как одна из таких причин не фигурирует.

Рассмотрев роль различных факторов, повлиявших на решение русского правительства о войне со Швецией, следует остановиться на вопросе, кто из государственных деятелей в окружении царя несет главную ответственность за решительное изменение внешнеполитического курса в начале 1656 г. В современной научной литературе имеются определенные ответы на этот вопрос. Так, в биографии царя Алексея Михайловича отмечается, что решение о войне царь принял под воздействием таких своих советников, как патриарх Никон и А.Л. Ордин-

²³³ РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 3. Л. 151.

²³⁴ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 1. Л. 10.

²³⁵ ПДС. Т. 3. Стб. 414–416.

²³⁶ АЮЗР. Т. 14. № 41. Стб. 887.

²³⁷ Там же. Стб. 890.

²³⁸ Позднее К. Иевлев сообщал об отпуске Карлом Густавом из его ставки 29 декабря 1655 г. «Хмельницкого посла людей» (РГАДА. Ф. 96.1655 г. № 6. Л. 118).

²³⁹ АЮЗР. Т. 14. Стб. 894.

²⁴⁰ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 4. Л. 178 и сл.

²⁴¹ АЮЗР. Т. 14. Стб. 891.

²⁴² Об этих планах см.: Грушевський М.С. Указ. соч. С. 1109–1110.

Нащокин²⁴³. На роль Никона в принятии решения о войне указывает и биограф патриарха С.В. Лобачев²⁴⁴. В последнем исследовании по истории русско-польской войны 1654–1667 гг. читается: «Т. н. “польская партия” в окружении царя во главе с царским фаворитом А.Л. Ординым-Нащокиным убедила Алексея Михайловича начать войну со Швецией»²⁴⁵. Вопросу о виновниках войны уделила внимание в исследовании, специально посвященном русско-шведским отношениям, Е.И. Кобзарева. В этой связи она также неоднократно упоминает А.Л. Ордина-Нащокина как сторонника антишведской ориентации, активного участника пограничных столкновений со шведами, автора отписок, которые способствовали росту враждебных по отношению к Швеции настроений в русских правящих кругах, но исследовательница не возлагает на него ответственность за принятие самого решения о войне²⁴⁶.

Для осторожности, проявленной исследовательницей, были, как представляется, серьезные основания. Как справедливо отметил С.В. Лобачев, в конце 1655 – начале 1656 г. А.Л. Ордин-Нащокин, воевода крепости на границе с Курляндией, вовсе не занимал такого положения, которое позволяло бы ему влиять на принятие важных политических решений²⁴⁷. Исследователь справедливо отметил, как оскорбился кн. Я.К. Черкасский, когда в грамотах к А.Л. Ордину-Нащокину М. Делагарди назвал его «генералом и полным воеводой». «Афанасий Нащокин, – объяснял он с раздражением шведскому наместнику, – великого государя нашего царского величества дворянин рядовой и генералом и полным воеводой николи не бывал»²⁴⁸. В окружение царя А.Л. Ордин-Нащокин вошел во время похода на Ригу, и лишь после окончания похода царь дал ему право подавать ему советы. До этого царь его советов не спрашивал, а А.Л. Ордин-Нащокин их не давал. Во всяком случае, никаких советов начинать войну со Швецией в его отписках не обнаруживается, а о личном общении воеводы Друи, не покидавшего свою крепость, с царем, в те месяцы, когда принималось решение о войне, не может быть и речи.

Совсем иное дело патриарх Никон. По своему положению он в эти годы был самым прямым образом причастен к принятию важных политических решений. С.В. Лобачев привел ряд свидетельств шведских источников весны 1656 г., свидетельствующих, что и шведские послы в Москве, и шведские власти в Ливонии были убеждены в том, что именно патриарх толкает царя к войне со Швецией. В записке шведских послов о причинах войны патриарх также упоминается как лицо, призывавшее царя к войне и ставившее ему в пример Ивана Грозного²⁴⁹.

Разумеется, о «полонофильской» ориентации патриарха нет оснований говорить. В донесении П. Галинского, польского посланника, побывавшего в Москве весной 1656 г., патриарх охарактеризован как «*nostris inimicissimus*» (самый враждебный по отношению к нам. – Б.Ф.)²⁵⁰. Все сообщения о действиях Никона весной 1656 г. говорят о том, что он призывал царя освободить от власти шведов православное население Ингрии и Карелии. Зная об усилиях, затраченных Никоном на восстановление позиций православной церкви на занятой русскими войсками территории Белоруссии, нет оснований сомневаться в правдивости этих сообщений. Однако следует отметить, что при проведении начавшейся летом 1656 г. военной кампании для занятия Ингрии и Карелии (об этом подробнее речь пойдет в следующей главе исследования) были выделены очень скромные военные силы, которые так и не смогли добиться решения этой задачи. Таким образом, при планировании военных действий доводы патриарха не были приняты во внимание. Все это позволяет сделать вывод, что, хотя патриарх был, несомненно,

²⁴³ Андреев И.Л. Алексей Михайлович. М., 2003. С. 296–297.

²⁴⁴ Лобачев С.В. Патриарх Никон. СПб., 2003. С. 170–171.

²⁴⁵ Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2006. С. 20.

²⁴⁶ Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 59–60, 65, 85–86.

²⁴⁷ Лобачев С.В. Патриарх Никон... С. 172.

²⁴⁸ Там же.

²⁴⁹ Форстен Г.В. Сношения... С. 325.

²⁵⁰ Walewski A. Historia wyzwolenia Polski za panowania Jana Kazimierza (1655–1660). T. I. Krakow, 1866. № XXVI. S. XXI.

сторонником войны со Швецией, не его доводы оказали решающее влияние на царя. При существующем состоянии знаний приходится удовлетвориться общим выводом, что ответственность за это важное политическое решение несет традиционный круг советников царя, среди которых должны быть особо выделены стоящие во главе Посольского приказа думные дьяки Алмаз Иванов и Ларион Лопухин.

Конец зимы – весна 1656 г. были заполнены приготовлениями к войне. Как указывалось в одном из относящихся к этому времени документов, осталось «время малое до его государственного походу, и без престани он, великий государь, сидит з бояры и приказывает о ратном строении»²⁵¹. Подготовку к войне, конечно, в известной мере облегчало то, что, распуская армию, царь приказал войскам быть готовыми к весне на службу.

Был предпринят и ряд важных шагов, чтобы для военных действий были обеспечены благоприятные условия. При смене внешнеполитического курса актуальным становился вопрос о поисках союзников. Уже в феврале были составлены черновики документов для кн. Д.Е. Мышецкого, который должен был направиться с важной дипломатической миссией в Курляндию, Бранденбург и Данию²⁵². Текст грамоты датскому королю, как отмечено в черновике, «февраля 28 день принес с Верху от государя думный диак Алмаз Иванов»²⁵³. О значении, которое придавалось поездке в Данию, говорит та многозначительная деталь, что вопреки традиционным нормам дипломатических сношений грамота была скреплена собственноручной подписью царя²⁵⁴. Миссия была секретной. Ее цели не были указаны ни во врученном Д.Е. Мышецкому наказе, ни в царских грамотах. Из содержания его статейного списка видно, что курляндскому герцогу он должен был обещать покровительство и защиту от шведов²⁵⁵, бранденбургскому курфюрсту Фридриху Вильгельму предлагалось «ратию соединитися и на шветцких люди стояти заодно»²⁵⁶, аналогичное предложение было адресовано датскому королю²⁵⁷.

Из Москвы Мышецкий выехал 13 марта и в начале апреля приехал в столицу Курляндского герцогства Митаву. Из отписки, отправленной оттуда в Москву, царь и его советники могли узнать, что курляндский этап его миссии закончился неудачей. Ко времени приезда Д.И. Мышецкого на территории герцогства разместились шведские войска, разорявшие землю своими поборами²⁵⁸. В Курляндии находились шведские представители, которые должны были проследить за тем, чтобы 24 июня герцог принес вассальную присягу шведскому королю²⁵⁹. Правда, герцог Якоб заверял посланца, что, если между Россией и Швецией начнется война, он шведам «помогать ни в чем не будет»²⁶⁰, но, конечно, было неясно, сможет ли в таких условиях герцог выполнить свои обещания.

21 апреля Д.И. Мышецкий прибыл в Кенигсберг²⁶¹, но и здесь ему не удалось добиться успеха. Ко времени отъезда Мышецкого из Москвы уже было известно, что, заняв главные польские земли, Карл Густав повел свою армию на север, в Пруссию, и между ним и курфюр-

²⁵¹ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 9. Л. 25.

²⁵² См. датированные февралем черновики грамоты датскому королю Фредерику III, проезжей грамоты и наказа: РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией). 1656 г. № 1. Л. 10–12, 17–18, 19 и сл.

²⁵³ Там же. Л. 12.

²⁵⁴ РГАДА. Ф. 27 (Приказ тайных дел). № 106.

²⁵⁵ РГАДА. Ф. 74 (Сношения России с Пруссией). 1656 г. № 2. Л. 19–20.

²⁵⁶ Русская и украинская дипломатия... С. 313.

²⁵⁷ Там же. С. 373–374.

²⁵⁸ РГАДА. Ф. 74.1656 г. № 1. Л. 34. Как записал Д.Е. Мышецкий в статейном списке, шведы «животину и хлеб емлют, а лошадей, де, не оставили нигде, выбрали мало что не все, да послали под нарядом и под пушечными запасы к шведскому королю в Польшу» (Там же. 1656 г. № 2. Л. 13–14).

²⁵⁹ РГАДА. Ф. 53.1656 г. № 1. Л. 34.

²⁶⁰ Там же. Л. 33.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 74.1656 г. № 2. Л. 40.

стом было заключено мирное соглашение²⁶². Однако в Москве располагали сведениями, что договор был заключен под давлением и напряженность в отношениях между Швецией и Бранденбургом сохраняется. Так, Г. Богданов 1 февраля писал из Митавы, «что прусский князь свейскому королю не поддался и что которое войско было в зборе и ныне у него не распушено, и вновь прибирает, и свейского короля добре опасен»²⁶³.

Попытки курфюрста осенью 1655 г. установить свою «протекцию» над землями королевской Пруссии, предпринятые осенью 1655 г., вызвали недовольство шведов и стали одной из причин похода Карла Густава на север. Договор с курфюрстом действительно был заключен под давлением, когда шведская армия, заняв главные города Королевской Пруссии, находилась в 25 км от Кенигсберга. Однако поскольку на польских землях начиналось уже восстание против шведов, условия соглашения были достаточно благоприятными для Фридриха Вильгельма. Он, как герцог прусский, стал вассалом шведского короля, от которого получил в лен и часть земель Королевской Пруссии. Одновременно, как вассал, он был обязан оказывать шведскому королю военную помощь²⁶⁴. К этому времени политический курс курфюрста определился на длительное время. Считая Карла Густава более сильной стороной конфликта, он присоединился к шведскому королю, рассчитывая, что заинтересованность в поддержке Бранденбурга заставит его пойти на уступки за счет Речи Посполитой. Расчеты эти вскоре оправдались.

В апреле 1656 г. по соглашению со шведами бранденбургские войска стали занимать крепости на территории Великой Польши²⁶⁵. Неудивительно, что на переговорах, начавшихся в Кенигсберге 29 апреля, курфюрст никак не реагировал на предложения о выступлении против шведов и, напротив, предложил свое посредничество в споре между царем и Карлом Густавом. Советники курфюрста, однако, заверили Мышецкого, что в войне с Россией курфюрст участвовать не будет. Престиж русского государства после побед в военных кампаниях 1654–1655 гг. стоял высоко, западные русские владения находились теперь совсем недалеко от границ Восточной Пруссии, и курфюрст принимал это во внимание²⁶⁶. Миссия Д. Мышецкого имела один важный результат. При заключении 25 июня 1656 г. нового соглашения между Бранденбургом и Швецией в договоре было специально оговорено, что курфюрст не обязан оказывать шведам помощи против войск «великого князя московского» на территории Литвы²⁶⁷. Для внешнеполитических планов русского правительства было важно, что, зная о целях миссии Д. Мышецкого, Фридрих Вильгельм не решился задержать посланника и 24 мая он отбыл на корабле в Данию²⁶⁸. Таким образом, сохранялась возможность соглашения с тем из балтийских государств, в поддержке которого русское правительство в своей попытке занять морские порты нуждалось больше всего.

Еще до того, как Д. Мышецкий отправился в дорогу, была предпринята попытка установить связи с враждебными шведам силами в Речи Посполитой. 13 февраля было принято решение отправить с особой миссией на территорию этого государства стольника В.Н. Лихарева²⁶⁹, того, который в 1655 г. ездил к литовским гетманам. Цели его миссии были изложены в

²⁶² Так, 8 февраля было получено сообщение от А. Л. Ордин-Нащокина, что «свияне с бранденбургским князем помирились» (ПДС. Т. 3. Стб. 569).

²⁶³ ПДС. Т. 3. Стб. 576.

²⁶⁴ Szymczak B. Stosunki Rzeczypospolitej z Brandenburgią i Prusami Książęcymi w latach 1648–1658 w opinii i działaniach szlachty koronnej. Warszawa, 2002. S. 178–183.

²⁶⁵ Szymczak B. Stosunki... S. 205–206.

²⁶⁶ О русско-бранденбургских переговорах весной 1656 г. см.: Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 94–97; Hirsch T. Die ersten Anknüpfungen... Th. 1. S. 16–17; Прудовский П.И. Начало русско-шведской войны 1656–1660 гг. и генезис Рижского договора 1656 г. между Россией и Бранденбургом // Вестник МГУ. Серия 8. История. 2007. № 5.

²⁶⁷ Кобзарева Е.И. Дипломатическая борьба... С. 97; Hirsch T. Die ersten Anknüpfungen... Th. 1. S. 18.

²⁶⁸ РГАДА. Ф. 74.1656 г. № 2. Л. 112.

²⁶⁹ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 6. Л. 52.

датированном 20 февраля посольском наказе²⁷⁰. Миссия была секретной, врученный ему наказ В.Н. Лихарев должен был оставить в Смоленске²⁷¹.

Ближайшей задачей его миссии было закрепление позиций русской власти на занятых русскими войсками землях Великого княжества Литовского. Так, он должен был завершить переговоры о подданстве с новогрудским воеводой П. Вяжевичем и ошмянским старостой А. Саковичем. Им были посланы царские «милостивые грамоты»²⁷². Этим, однако, цели его миссии не ограничивались. В грамоте П. Вяжевичу не случайно содержалось предложение от имени царя «свою братью сенаторей и урядников, которые еще никому не поддались, под нашу царского величества высокую руку призывать»²⁷³. В.Н. Лихарев должен был также завершить переговоры о переходе под власть Алексея Михайловича сенаторов и шляхты, собравшихся в Бресте. Не довольствуясь отправкой грамот с соответствующими предложениями с С. Глядовичем, царь в начале февраля 1656 г. через ротмистра М. Сухтицкого снова предложил гетману П. Сапеге, чтобы тот «царского величества милости к себе поискал»²⁷⁴. В.Н. Лихарев должен был не только еще один раз повторить эти предложения, но и побуждать гетмана, чтобы он «свою братью сенаторей и урядников наговаривал» также перейти в подданство царя²⁷⁵. Таким образом, миссия Лихарева должна была привести к установлению русской власти на всей не занятой шведскими войсками территории Великого княжества Литовского.

На В.Н. Лихарева было возложено еще одно поручение. Он должен был передать Виленскому воеводе царскую грамоту, адресованную старосте Жемайтии Е.К. Глебовичу. Царь предлагал ему принять подданство царя «и свою братью и урядников на то призывать»²⁷⁶. Этот документ говорит о готовности русского правительства вступить в борьбу со шведами за Жемайтию.

Литвой миссия Лихарева не должна была ограничиться. От Павла Сапег он должен был направиться на юг к «отложившимся» от шведов коронным гетманам. Он должен был предложить им, а также находящимся вместе с ними сенаторам, офицерам армии «и всей уроженой шляхте» перейти под власть царя²⁷⁷. В Москве хорошо осознавали возможные последствия такого шага. В наказе В.Н. Лихареву читаем: «А буде гетманы корунные учнут говорить, что у них в Коруне Польской маетности, города и села большие, и те их маетности заехали свейские люди, и царское величество за маетности их стоять учнет ли. И Василью говорить: буде они, гетманы, учинятца под царского величества высокую рукою и царскому величеству за маетности их как не стоять»²⁷⁸.

Царь готов был на значительные уступки знати Речи Посполитой, если она подчинится его власти. Так, П. Сапеге Алексей Михайлович обещал не только вернуть его имения на территории, занятой русскими войсками, но, если они окажутся сильно разоренными, то дать вместо них другие – в лучшем состоянии²⁷⁹. Сенаторам царь предлагал не только возвратить их прежние владения, но и пожаловать их чинами в боярской думе²⁸⁰. Коронных гетманов следо-

²⁷⁰ Там же. Л. 80–95.

²⁷¹ Там же. Л. 95.

²⁷² Там же. Л. 70, 74–75.

²⁷³ Там же. Л. 74.

²⁷⁴ См. об этом в грамоте Алексея Михайловича гетману, посланной с В.Н. Лихаревым (Там же. Л. 67). Начальная часть дела о поездке М. Сухтицкого не сохранилась.

²⁷⁵ Там же. Л. 85.

²⁷⁶ Там же. Л. 72–74.

²⁷⁷ Тексты соответствующих грамот см.: Там же. Л. 58–65.

²⁷⁸ Там же. Л. 92.

²⁷⁹ Там же. Л. 87.

²⁸⁰ Там же. Л. 85–86, 94–95.

вало, кроме того, заверить, что «царь в вину им того ставить не велел», что они воевали на Украине против Хмельницкого и Бутурлина²⁸¹.

Анализ наказа В.Н. Лихареву показывает, какова была первая реакция русской власти на известие о начавшемся в Польше восстании против шведов. Была предпринята попытка привлечь под власть царя все силы в Речи Посполитой, враждебные шведам.

Еще до того, как Лихарев, переехав в конце марта Неман, смог приступить к выполнению своей миссии, стала выясняться нереальность задуманного плана. Приходившие в Москву сообщения говорили не только о том, что восстание против шведов принимает все более широкий размах, но и о том, что восстание разворачивается под лозунгом возвращения к власти законного короля Яна Казимира. Тем самым о соглашении русского правительства с восставшими вряд ли уже можно было говорить. Речь Посполитая возрождалась как особое, самостоятельное государство. В связи с этим перед русскими правящими кругами возникала новая проблема: какими способами подчинить это государство своему влиянию и не допустить, чтобы ослабленная долголетней войной страна подпала под влияние кого-либо из соседей.

Обратиться к решению этого вопроса русское правительство побудили важные сведения, полученные от А.Л. Ордина-Нащокина. Как уже отмечалось, с самого начала войны со Швецией польские политики добивались от императора в Вене военной помощи. Эти просьбы сопровождались предложениями провозгласить наследником бездетного Яна Казимира одного из австрийских эрцгерцогов с тем, чтобы он вступил на трон после смерти короля²⁸². А.Л. Ордин-Нащокин узнал об этих переговорах от шляхтичей, которым рассказывал о них литовский подканцлер Казимир Сапега. В устной передаче содержание переговоров подверглось серьезному искажению: шляхтичи утверждали, что именно император требовал в обмен за помощь признать одного из эрцгерцогов наследником Яна Казимира²⁸³. Это сообщение и обратило внимание на опасность подчинения Речи Посполитой австрийскому влиянию и одновременно подсказало способ, как противодействовать этой опасности. Отписка А.Л. Ордина-Нащокина поступила в Москву 29 февраля, а уже 3 марта с миссией особой важности к гетману П. Сапеге был отправлен ротмистр М. Сухтицкий. Хотя формально это было посольство к гетману, которому была передана царская грамота, настоящая цель миссии была иной. Как выясняется из «расспросных речей» майора Даниила Ильфова, сопровождавшего М. Сухтицкого в поездке, они предлагали «полковникам знатым многим» подчиниться власти царя, и тогда царь «положит на милость, поволит польскому королю Полшою владеть по ево смерть». Тогда после смерти Яна Казимира Великое княжество Литовское, Русь и Подляшье, находящиеся теперь под властью царя, снова соединятся с Польшей в одно государство²⁸⁴. Такое решение само собой предполагало и совместные действия России и Польши против шведов. Тем самым было бы предотвращено нежелательное соглашение между Польшей и Австрией и одновременно решена задача подчинения Польши русскому политическому влиянию. При этом русская сторона прибегла к аргументу, которым не могли воспользоваться другие соседи, – возможности восстановления в перспективе традиционной связи между Польшей и Великим княжеством Литовским, занятым русскими войсками.

Перед началом военной кампании перед русской властью встал важный вопрос об установлении порядка на землях Великого княжества Литовского, которые должны были стать ближайшим тылом русской армии, следовало также привлечь новых подданных царя к участию в войне со шведами. Важная роль при этом предназначалась одному из первых магнатов Великого княжества Литовского Троцкому воеводе М.С. Пацу.

²⁸¹ Там же. Л. 92.

²⁸² Kubala L. Wojna szwedzka... S. 94–95, 226–227.

²⁸³ АМГ. Т. 2. С. 487.

²⁸⁴ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 10. Л. 2, 8.

В феврале 1656 г. в Москву прибыл посланец воеводы Иероним Липский с важным предложением. М.С. Пац обращался к царю от имени сенаторов Великого княжества Литовского. Как разъяснял посланец, имелись в виду не только присягнувшие царю воевода новогрудский Петр Вяжевич и каштелян новогрудский С. Статкевич, но также жмудский староста Ежи Кароль Глебович и гетман польный В. Госевский, которые якобы «хотели приехать» к Троцкому воеводе²⁸⁵. От их имени он поднимал вопрос о созыве сейма, на котором окончательно были бы выработаны условия жизни литовских магнатов и шляхты под царской властью. Сам М.С. Пац просил дать ему пост гетмана «над всем княжеством Литовским» с правом собирать поветовые сеймики и набирать войска на царскую службу²⁸⁶.

Грамотой от 8 февраля царь Алексей Михайлович пригласил М.С. Паца в Москву, чтобы окончательно решить вопрос «о сойме и о урядех и иных делех». До этого времени царь обещал не рассматривать «статей», поданных ему разными группами шляхты²⁸⁷.

Л.В. Заборовский привел ряд серьезных аргументов в пользу того, что эта договоренность была нарушена. По-видимому, именно после того, как в Москве было принято решение о войне со Швецией, царь рассмотрел «статьи», поданные шляхтой во время похода С.А. Урусова²⁸⁸. В этих «статьях» содержались просьбы обеспечить «крепкую и надежную от короля свейского оборону» и вернуть в состав Великого княжества Литовского Жемайтию и другие земли «через войну... оторванные». После принятия решения о войне эти просьбы приобрели актуальность. В царской резолюции на просьбу о защите от шведов указывалось: «Царское величество идет сам, а вы подите на встречу»²⁸⁹. Так четко определилась линия на привлечение шляхты к участию в войне. Одновременно в ответах на просьбы царь дал согласие на созыв сейма, на котором должны были быть решены многие поднятые в просьбах вопросы²⁹⁰.

При решении всех этих вопросов в Москве рассчитывали на содействие М.С. Паца. От решения вызвать Паца в Москву царь отказался, и в марте к Троцкому воеводе был отправлен специальный царский посланец стольник Замятия Леонтьев. В наказе, датированном 10 марта²⁹¹, ему предписывалось ехать в Вильно, а оттуда к М.С. Пацу, «где он будет». На воеводу возлагалось важное задание – составить и прислать в Москву списки «урядников» и шляхтичей, которые принесли присягу царю. Кроме того, царь поручил воеводе звать на русскую службу тех шляхтичей, которые находятся «у свейского, а маятности их за царским величеством». В случае возвращения царь обещал пожаловать их «маятностями и вольностями». М.С. Пац также должен был набрать на военную службу «шляхты добрые 2000 человек гусарским строем». В наказе прямо указывалось, что войско должно быть набрано для защиты литовских земель от шведов. Собрав войско, воевода должен был ехать в Смоленск на встречу с царем, который прибудет в этот город «со многими ратьми в мае месяце». На этой встрече должны были быть также решены вопросы «о сойме и о иных делех»²⁹². Поручение М.С. Пацу собрать войско явно означало согласие назначить Троцкого воеводу гетманом, с ним же предполагалось решать и вопросы, связанные с определением положения магнатов и шляхты Великого княжества под властью царя.

Задуманный план в том виде, как это представляли себе в Москве, осуществить не удалось. Когда З. Леонтьев прибыл в Вильно, выяснилось, что М.С. Пац, «выбрав великие

²⁸⁵ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 5. Л. 25.

²⁸⁶ Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 100–108; РГАДА. Ф. 79. 1656 г. № 5. Л. 33–36.

²⁸⁷ Там же. Л. 61–63.

²⁸⁸ Заборовский Л.В. Великое княжество... С. 129.

²⁸⁹ Там же. С. 104.

²⁹⁰ Там же. С. 104–105.

²⁹¹ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 9. Л. 8.

²⁹² Текст наказа см.: Там же. Л. 8–25.

поборы» в своих владениях, выехал в Польшу к Яну Казимиру²⁹³. Поставленные перед ним задачи З. Леонтьеву пришлось решать самостоятельно. Первой и самой неотложной был набор войска. В Вильно «по многия дни вытрубливали и приповедные листы вычитали, чтобы шляхта писалися в гусары». В различные поветы были отправлены гонцы звать шляхту на «попис» в Вильно.

Предписания о наборе отрядов на военную службу были посланы П. Вяжевичу, С. Масальскому, Я. Кунцевичу²⁹⁴.

Вместе с тем, хотя вопрос о созыве сейма (вероятно, в связи с отъездом Паца) не поднимался, З. Леонтьев прилагал усилия, чтобы успокоить литовскую шляхту относительно намерений царя. В беседе с приехавшим в Вильно Я. Кунцевичем он убеждал его, что подданные царя, бояре и дети боярские всем обеспечены «и в Княжестве Литовском и в Коруне Польской маетностей и земель не похотят». Шляхта сохранит свои «вольности» и «маетности», а свое «жалованье» царь «усугубит». «А кривды, – заверял он, – от его царского величества воевод и ото всяких людей Княжества Литовского всяким людей нет и вперед не будет»²⁹⁵.

Миссию привлечь на русскую службу шляхтичей с земель, завоеванных шведами, З. Леонтьев доверил ротмистру М. Сухтицкому, и, по его словам, она увенчалась успехом. В мае 1656 г. многие шляхтичи приехали в Вильно и принесли присягу царю²⁹⁶. В своем статейном списке З. Леонтьев отметил приезд 16 мая Миколая Казимира Шемета, позднее одного из предводителей восстания против шведов в Жемайтии и автора сочинения о том, как Жемайтия вошла под «протекцию» шведов и вышла из нее²⁹⁷. М.К. Шемет сообщал, что многие шляхтичи из Жемайтии, узнав о наборе войска, поехали на царскую службу, и просил дать ему «универсал» для набора отряда гусар из 120 человек, который он рассчитывал разместить на содержание на территории Браславского повета. Он обещал призывать жемайтскую шляхту на службу к царю. «А чаёт, де, он, Миколай, – записал его слова З. Леонтьев, – тово, что и вся Жмотьево, Миколая, послушает и будут под высокою рукою его царского величества»²⁹⁸. Сообщения эти имели для русского правительства важное значение, так как обрисовывались перспективы мирного перехода под власть Алексея Михайловича Жемайтии, единственной крупной «земли» в составе Великого княжества Литовского, которая еще оставалась за рамками русского влияния. Если бы этого удалось добиться, то будущие переговоры о мире с Речью Посполитой стали бы беспредметными и рассматривался бы лишь вопрос о будущем Польского королевства.

После возвращения Яна Казимира в Польшу, еще не дожидаясь ответа на предложение, переданные австрийскими посланниками, на совещании короля с сенаторами в Кросно в январе 1656 г. было принято решение искать соглашения с Россией. В Москву был отправлен посланник – маршалок оршанский Петр Галинский²⁹⁹. Почти весь апрель 1656 г. П. Галинский провел в Москве, где вел переговоры с советниками царя – окольничим Б.М. Хитрово и думным дьяком Алмазом Ивановым. Переговорам П. Галинского посвящено в настоящее время специальное исследование³⁰⁰, поэтому в данной работе будет затронут лишь вопрос, как повлияли переговоры на внешнеполитический курс русского правительства.

²⁹³ Там же. Л. 27.

²⁹⁴ Там же. Л. 27–31.

²⁹⁵ Там же. Л. 38.

²⁹⁶ Там же. Л. 40.

²⁹⁷ О нем см.: Kotljarchuk A. In the Shadows... P. 162, 172, 178–182, 281.

²⁹⁸ РГАДА. Ф. 79.1656 г. № 9. Л. 40–42.

²⁹⁹ Wójcik Z. Polska a Rosja wobec wspólnego niebezpieczeństwa szwedzkiego w okresie wojny północnej. 1655–1660 // Polska w okresie drugiej wojny północnej. T. 1. Warszawa, 1957. S. 345–346.

³⁰⁰ Иванов Д.И. Русско-польские переговоры 1656 г. Миссия П. Галинского // Русское средневековье. 1998. Вып. 2.: Международные отношения. Сост. Д. Володихин. М., 1999.

Посланец Яна Казимира прилагал максимум усилий к тому, чтобы разоблачить в глазах царя и его советников враждебные планы шведов в отношении Русского государства. Он, в частности, передал в Посольский приказ копии писем Яна Меженского и Януша Радзивилла Богуславу Радзивиллу, в которых говорилось о планах возвращения «потерянных» земель с помощью шведов³⁰¹. Решение о войне со Швецией было принято еще до приезда П. Галинского. Но его сообщения, возможно, способствовали тому, что русское правительство продолжало придерживаться этого решения. Что касается собственно отношений между Россией и Речью Посполитой, то между этими государствами была достигнута лишь договоренность о временном прекращении военных действий. Не было заключено ни мирного договора, ни соглашения о совместных военных действиях против шведов. Решение всех вопросов было отложено до съезда великих послов обеих сторон в Вильно в конце июня 1656 г. Задолго до созыва этого съезда 15 мая царь выступил в поход против шведов³⁰². Таким образом, русское правительство вступило в войну со Швецией, не имея никакого, даже предварительного соглашения с Речью Посполитой, государством, с которым еще недавно шла война. Такой способ ведения дел вызвал справедливое удивление Богдана Хмельницкого³⁰³. Поспешность, проявленная русским правительством, тем более удивляет, что одна из главных причин, побуждавших к спешному открытию военных действий, отпала с развитием событий. Намечая военную кампанию, царь и его союзники стремились сорвать направленные против России планы Карла Густава, но начавшееся восстание на польских землях явно делало такие планы нереальными.

Решение, принятое в Москве, тем более вызывает удивление, что поведение Петра Галинского на переговорах совсем не соответствовало ожиданиям русской стороны. Когда в Москву стали приходить первые слухи о направляющемся сюда посольстве, то речь шла о том, что Речь Посполитая готова пойти на значительные уступки: «как государь изволит по Днепр или по Березыню»³⁰⁴. Однако ход переговоров не подтвердил этих ожиданий. Когда на переговорах был затронут вопрос об условиях будущего мира, то посланник от имени Речи Посполитой выразил согласие уступить лишь «Смоленск да Дорогобуж, Белую да Стародуб»³⁰⁵, то есть лишь часть территорий, утраченных Русским государством в годы Смуты, настаивая на возврате всех остальных земель. О нежелании польско-литовской стороны идти на значительные уступки говорит и включение в традиционную титулатуру Яна Казимира в привезенной посланником грамоте эпитета «белорусский»³⁰⁶. Наконец, серьезные основания для размышлений могло дать и поведение посланника на обратном пути, когда он уговаривал «шляхту многую» разных поветов не присягать царю и призывал не сдаваться жителям Старого Быхова³⁰⁷. Эти черты поведения П. Галинского, конечно, не были случайностью. Как установил З. Вуйчик, в то самое время, когда Галинский находился в Москве, в апреле 1656 г. были составлены инструкции Яну Шумовскому, послу, отправленному Яном Казимиром в Крым. Он должен был добиваться от хана, чтобы хан разорвал союз между Русским государством и гетманством. После этого хан и гетман совместными силами должны были предпринять нападение на Россию. «Так бы и Княжество Литовское освободилось и Москва стала бы более склонной к согла-

³⁰¹ РГАДА. Ф. 79. Кн. 86. Л. 81об-90.

³⁰² См. дневник похода царя Алексея Михайловича – царь прибыл в Смоленск 31 мая 1656 г.: РГАДА. Ф. 27. № 86. Ч. 3. Л. 193.

³⁰³ См. его известные слова: «то мне, гетману, диво что ему, великому государю, его царского величества бояре доброго ничего не порадят: Коруную Польскую еще не обладали и к миру в совершение еще не привели, а с другим панством, с шведы, войну всчали» (АЮЗР. Т. 3. СПб., 1861. С. 566).

³⁰⁴ АМГ. Т. 2. № 810. С. 494.

³⁰⁵ Иванов Д.И. Русско-польские переговоры... С. 76.

³⁰⁶ РГАДА. Ф. 79. Кн. 86. Л. 37об.

³⁰⁷ Русская и украинская дипломатия... С. 145.

шению». Посол должен был также сообщить хану, что, если королю удастся заключить мир со шведами, он всеми своими силами обратится против России³⁰⁸

---

³⁰⁸ Wójcik Z. Polska a Rosja... S. 347–348.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.